XXXIII г. изданія. 4 іюня 1917 г.

№ 22 № 22

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

путешествій, приключеній, науки и литературы.

Контора журнала: Москва, Тверская, д. № 48. Тлф. 5-39-39. Редакція: Пятницкая, д. № 81. Тлф. 3-62-58.

Гг. авторы, присылающіе свои рукописи въ редакцію, благоволятъ обязательно прилагать почтовыя марки для отвѣта. Рукописи менѣе печатнаго листа авторамъ не возвращаются; стихотворенія не принимаются и ни въ какую переписку по ихъ поводу ред. не входитъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: Москва, Тверская, домъ № 48, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина. За перемѣну адреса уплачивается городскими и иногородними подписчиками 30 коп. почтовыми марками. Отдѣльный № журнала 10 к., съ книгой — 50 к. (съ перес.).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1917 г.

50 №№ журнала, 36 книгъ I серіи полнаго иллюстрированнаго собранія сочиненій **Жюля Верна**, 12 №№ иллюстр. ежемѣсячника **Журналъ Приключеній** и 12 вып. иллюстрированнаго руководства общественнаго и практическаго самовоспитанія молодежи по системѣ **„скаутингъ"**, сочиненіе **Р. Баденъ Поуэля**.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями, безъ дѣленія на обонементы, на годъ **14 р.** Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ, 5 р. къ 1 апрѣля и 4 р. къ 1 іюля.

СОНЪ-СПАСИТЕЛЬ.

Разсказъ Н. Толстого.

„Илья Муромецъ" тихо кружился въ лучахъ заходящаго солнца, подымаясь ввысь надъ галиційской деревней «Гнилая Липа», занятой австрійцами. Требовалось снять фотографію съ мѣстности, которую собирались атаковать. Два спеціалиста заняты были этой работой въ то время, какъ офицеры направляли полетъ и стояли на стражѣ отъ вражескихъ нападеній. Но на землѣ какъ будто не замѣчали аэроплана. Ни одного выстрѣла ни одного бинокля не было направлено въ его сторону, что дало ему возможность безпрепятственно и незамѣтно подняться на большую высоту и рѣять надъ самымъ мѣстечкомъ въ синевѣ неба.

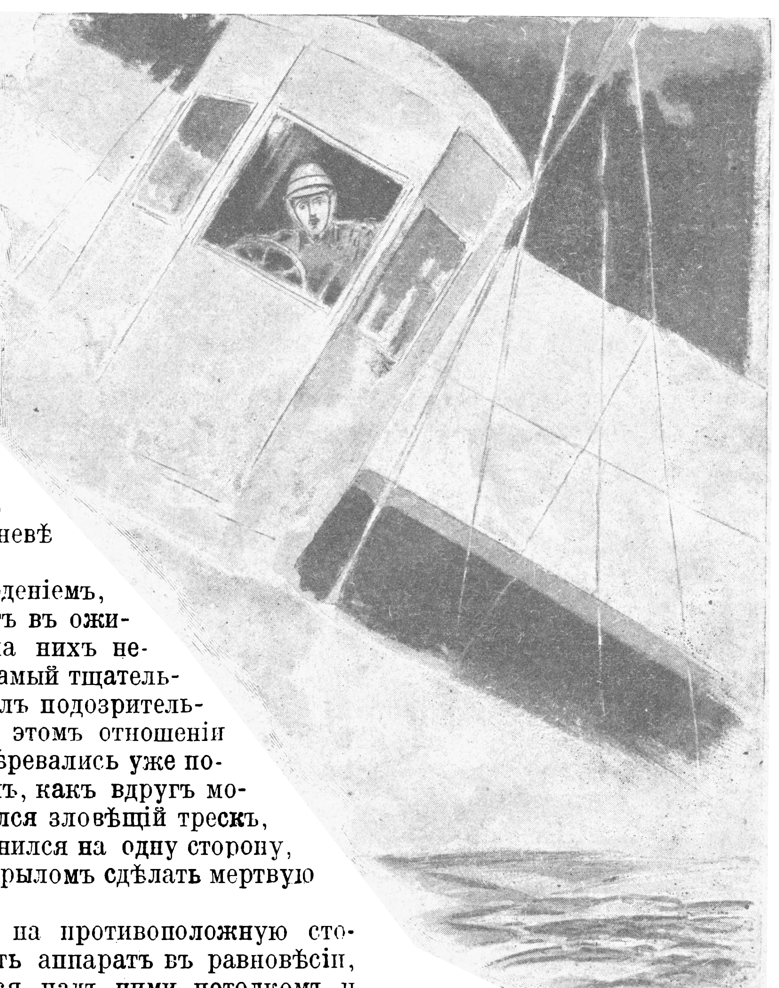
Офицеры, занятые наблюденіемъ, тщетно обыскивали горизонтъ въ ожиданіи увидѣть несущійся на нихъ непріятельскій аэропланъ, но самый тщательный осмотръ не обнаруживалъ подозрительной точки. Успокоенные въ этомъ отношеніи они, закончивъ снимки, намѣревались уже повернуть къ своимъ позиціямъ, какъ вдругъ моторъ далъ перебой, послышался зловѣщій трескъ, и воздушный карабль накренился на одну сторону, какъ бы готовясь лѣвымъ крыломъ сдѣлать мертвую петлю.

Летчики бросились было на противоположную сторону каюты, чтобы удержать аппаратъ въ равновѣсіи, но этотъ край уже оказался надъ ними потолкомъ и ихъ отбросило внизъ, на хрупкую стѣнку кабины, очутившейся у нихъ подъ ногами.

Аппаратъ падалъ...

Ноги ихъ уже не доставали ни до стѣнъ ни до сидѣній, они чувствовали, что летятъ въ пространствѣ вмѣстѣ съ аппаратомъ и поняли, что имъ грозитъ неминуемая гибель.

И въ это мгновеніе,—такъ какъ съ момента катастрофы не прошло еще и одной секунды—у каждаго изъ обреченныхъ на смерть летчиковъ промелькнула въ сознаніи все его прошлое, вся панорама его жизни, съ той поры какъ онъ начиналъ себя помнить, точно онъ вторично переживалъ ее передъ тѣмъ, какъ съ ней навсегда разстаться.

Миртовъ почувствовалъ, что рулевое колесо выскальзываетъ у него изъ рукъ.

Молодой пилотъ, Миртовъ, недавно выпущенный подпоручикомъ изъ одного изъ столичныхъ военно-учебныхъ заведеній и блестяще окончившій авіаціонную школу, совершившій массу смѣлыхъ самостоятельныхъ полетовъ, въ моментъ катастрофы почувствовалъ, что рулевое колесо выскальзываетъ у него изъ рукъ, и онъ не въ силахъ этому воспрепятствовать. Все помутилось у него передъ глазами. Лучъ заходящаго солнца, промелькнувъ черезъ стекло кабины, мгновенно ослѣпилъ его, и какъ бы подхватилъ и перенесъ его за много лѣтъ назадъ, въ эпоху его ранняго дѣтства.

«Вставай, Сережа, вставай! — слышитъ онъ знакомый голосъ, раскрываетъ глаза и снова жмуритъ ихъ отъ яркаго луча утренняго солнца, пробивающагося сквозь откинутую няней штофную занавѣску окна, въ его маленькую кроватку. — «И такъ ужъ заспался. Посмотри въ окошко, и какой чудный нонче весенній день! Солнышко давно уже тебя будитъ! Мама сидитъ за самоваромъ и тебя ждетъ пить чай со сливочками и булочками, которые ты такъ любишь. Ну, что же ты, дѣ-

точка, не встаешь? Что это ты какой невеселый, точно испуганный? Иди скорѣй, умойся, голубчикъ, да Богу помолись поусерднѣй, ты что-то во снѣ метался, не приснилось ли тебѣ чего?

И няня озабоченно смотритъ на ребенка, одѣвая его.

А ребенокъ молчитъ задумчиво, слова не скажетъ. Онъ видѣлъ страшный, страшный сонъ. Онъ боится его даже вспомнить. Нехотя одѣвается онъ, и яркое солнце его не радуетъ. Одѣвшись, идетъ въ столовую, гдѣ сидитъ мать за самоваромъ и привѣтливо ему улыбается, но, увидѣвъ его озабоченное личико, сама начинаетъ безпокоиться и нѣжно его спрашиваетъ, какъ онъ спалъ и не болитъ ли у него головка.

— Нѣтъ, мама,—отвѣтилъ мальчикъ.—Голова у меня не болитъ, а я только спалъ и видѣлъ во снѣ, что я большой, что я пошелъ на войну, и что по небу летали корабли съ большими крыльями, какъ у стрекозъ, и стрѣляли одинъ въ другого, и бросали на землю бомбы, пули и стрѣлы, а снизу въ насъ стрѣляли.

— Какъ это, въ насъ, ты говоришь?

— Потому, мама, что я самъ управлялъ такимъ кораблемъ: у меня въ рукахъ колесо, и я куда повертывалъ, туда онъ и летѣлъ. А другіе офицеры снимали фотографію съ непріятельской земли, надъ которой летѣли. Я вѣдь тоже былъ офицеромъ, и у меня на плечахъ были погоны со звѣздочками и съ крылышками. И вдругъ насъ подстрѣлили, мы упали... а я проснулся.

— Что это мальчикъ тутъ разсказываетъ?—спросилъ вошедшій въ эту минуту въ комнату отецъ ребенка, еще молодой элегантный полковникъ генеральнаго штаба въ лѣтней тужуркѣ съ аксельбантами. Онъ поцѣловалъ руку жены, обнялъ сына и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, присѣлъ къ чайному столу.—Никакъ на войнѣ былъ, мальчуганъ?

— Да, папа, вообрази, какъ страшно! война въ воздухѣ!

— А съ кѣмъ вы воевали-то?

— Съ нѣмцами, съ австрійцами, съ турками...

— Ой, какъ много! сразу на три фронта!

— Это что, папа, мы только съ тремя воевали, а они, наши враги, воевали не только съ нами, а съ французами, англичанами, итальянцами, американцами, японцами, китайцами...

— Ну, ужъ это ты заболтался, сынокъ. Съ китайцами и японцами намъ, того и гляди, самимъ придется воевать въ скоромъ времени. А въ общемъ, онъ, пожалуй, правъ,—сказалъ полковникъ, обращаясь къ женѣ. Въ концѣ концовъ, не миновать общеевропейской войны, и тогда можетъ начаться такой пожаръ, что весь міръ будетъ имъ объятъ. Да, слѣдующая война будетъ міровая.

— Только бы это не случилось, когда подрастетъ Сережа,—сказала мать.—Вѣдь его тогда не удержишь. Видишь, какія у него наклонности.

— Сынъ и внукъ военнаго долженъ быть военнымъ,—сказалъ отецъ,—а ты, Сережа, кѣмъ хочешь быть? офицеромъ штаба, вѣроятно?

— Нѣтъ, папа, я хочу сдѣлаться... не знаю какъ это назвать, которые летаютъ на воздушныхъ корабляхъ и управляютъ ими.

— Ты послушай, что онъ разсказываетъ,—сказала мать.—Вѣдь война, которую онъ видѣлъ во снѣ, происходила въ облакахъ. И этотъ кошмаръ нисколько его не останавливаетъ, онъ мечтаетъ сдѣлаться воздухоплавателемъ и управлять воздушными шарами!

— Не шарами, мама, а какъ ихъ? вспомнилъ!—аэропланами!

— Браво! дѣйствительно, такія машины существуютъ. Но только въ фантазіи. Ихъ еще надо выдумать.

— Ихъ, папа, и выдумаютъ. Хочешь, я сейчасъ тебѣ разскажу, какія онѣ изъ себя? Съ двухъ сторонъ громадныя крылья, сзади хвостъ, спереди колесо, которое вертится быстро-быстро. Я сижу посрединѣ и верчу колесомъ, хочу вправо, хочу влѣво, хочу вверхъ, хочу внизъ. Хочу ковыркомъ...

— И кубаремъ...

— Нѣтъ не кубаремъ, это кубаремъ, когда подстрѣлятъ. А то просто петлю. Когда я научился хорошо владѣть машиной,—продолжалъ мальчикъ,—меня назначили на большой корабль...

— А кто назначилъ тебя?

— Главный штабъ. У насъ воздухоплавательныя роты, и я въ нихъ офицеромъ!

— Что онъ говоритъ,—воскликнула мать.—Подумешь, онъ за одну ночь прошелъ цѣлую жизнь! Окончилъ корпусъ, вышелъ въ офицеры, поступилъ въ воздухоплавательный паркъ, отправился на войну и, научившись управлять летающей машиной, подвергся ужасной опасности, попавъ подъ обстрѣлъ непріятеля.

— Вѣрно, мама,—воскликнулъ въ восхищеніи ребенокъ, какъ ты сразу это поняла! Все такъ и случилось, какъ ты говоришь!

— Очень странный сонъ,—сказалъ отецъ. Пойдемъ, пройдемся съ тобой послѣ чая въ царскосельскомъ паркѣ и зайдемъ, разскажемъ твой сонъ инженеру Иванову. Онъ давно занимается идеей управляемыхъ шаровъ и летающихъ кораблей. Онъ построилъ змѣй, способный поднять взрослаго человѣка на высоту нѣсколькихъ десятковъ саженей. Мнѣ, кстати, надо его повидать по одному дѣлу, а твой сонъ, можетъ-быть, наведетъ его на какую-нибудь мысль.

— Ахъ папа, какъ я буду радъ! И онъ мнѣ скажетъ, что надо сдѣлать въ случаѣ катастрофы?

— Какой катастрофы?

— Руль выскочилъ у меня изъ рукъ, машина накренилась на одну сторону и стала падать однимъ бокомъ. Если бы я могъ ее выпрямить, мы всѣ могли бы спастись.

— Кто вы всѣ?

— Насъ всѣхъ было пятеро, все офицеры, кромѣ одного Степанюка, ефрейтора. Если бы ты зналъ, папа, какъ важно для меня, что скажетъ штабсъ-капитанъ Ивановъ! Вѣдь понимаешь, папа, понимаешь и ты, мама! вся отвѣтственность падаетъ на меня. Я выпустилъ руль, вѣдь я былъ le pilote!

Отецъ и мать не могли удержаться отъ смѣха. Мальчикъ придумалъ даже названіе своей должности на новоизобрѣтенный имъ во снѣ машинѣ и притомъ какое удачное! Вѣдь пилотъ по-французски означаетъ и кормчій и лоцманъ.

* * *

Прогулка состоялась при чудной на рѣдкость погодѣ. Молодая зелень въ паркѣ только что распустилась. Пахло черемухой, жасминомъ и сиренью. Царскосельскій прудъ или озеро, какъ его называютъ, блестѣлъ и искрился миріадами звѣздочекъ подъ жаркими лучами полуденнаго солнца. По его голубымъ водамъ плавно носились бѣлые дворцовые лебеди, скруженные своимъ молодымъ выводкомъ серебристаго цвѣта. Вдали горѣли золотые купола и минареты турецкой башни, а направо, на горѣ, покрытой ярко-зеленымъ ковромъ, какъ феерическая декорація, виднѣлась терраса дворца съ ея исполинскими статуями и висячими садами.

Дорогой Сережа разсказалъ подробно отцу свой сонъ, описалъ ему въ деталяхъ машину, на которой леталъ во снѣ, и отецъ внимательно ко всему прислушивался. Только когда Сережа увлекся и началъ разсказывать о какихъ-то алюминіевыхъ управляемыхъ шарахъ легче воздуха величиной чуть не съ версту, о нѣмецкихъ подводныхъ лодкахъ, нападающихъ на трансатлантическіе пассажирскіе корабли и о снарядахъ съ удушливыми газами, отецъ его остановилъ.

— Я не думалъ, что ты уже до такой степени начитался Жюль Верна, что видишь во снѣ все то, о чемъ ты фантазировалъ.

Между тѣмъ, отецъ съ сыномъ пришли къ инженеру, который жилъ въ одномъ изъ помѣщеній дворца. Тотъ, очевидно, ждалъ гостя, потому что былъ дома и радостно привѣтствовалъ вошедшихъ.

Выслушавъ съ серьезнымъ видомъ разсказъ полковника и предложивъ нѣсколько техническихъ вопросовъ мальчику, на которые послѣдовали вполнѣ опредѣленные и удовлетворительные отвѣты, штабсъ-капитанъ изумился и поспѣшилъ занести ихъ въ свой блокъ-нотъ. Видя, что Сережа хочетъ его о чемъ-то спросить, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, будущій авіаторъ, говори, что ты хочешь мнѣ еще сказать?

— Анатолій Михайловичъ, — сказалъ мальчикъ, — будьте добры, научите меня, что мнѣ сдѣлать въ томъ случаѣ, если прострѣленный непріятелемъ аэропланъ накренится на одинъ бокъ, и машина откажется работать?

— А руль?

— А руль выскользаетъ изъ рукъ.

— Надо обязательно завладѣть рулевымъ колесомъ и привести аппаратъ въ горизонтальное положеніе.

— А если и руль откажется дѣйствовать!

— Ну, тогда, братъ, ужъ ничего не подѣлаешь, пиши пропало!

— А нельзя развѣ вкарабкаться на поднявшееся крыло, чтобы оно стало тяжелѣе, и повернулось?

— Попробуй,—смѣясь сказалъ инженеръ, потомъ прибавилъ.—Если заставишь какимъ бы то ни было способомъ падающій стремглавъ аппаратъ вертѣться и колебаться, ты спасенъ.

— Знаю,—самоувѣренно сказалъ Сережа, — но какъ это сдѣлать?

— Если бы у васъ былъ съ собой парашютъ...

— Ахъ,—воскликнулъ Сережа,—благодарю! Теперь я знаю! Только бы не было поздно!

Опять лучъ свѣта, отраженный изъ окна противоположнаго флигеля, ослѣпилъ ему глаза, и онъ поневолѣ ихъ зажмурилъ и тотчасъ же открылъ ихъ.

* * *

Аэропланъ падалъ...

Быстрымъ жестомъ Миртовъ сорвалъ брезентовую покрышку съ запыленнаго мотора и выкинулъ одинъ конецъ его наружу. Вѣтеръ его подхватилъ, запуталъ въ проволокахъ и нарушилъ равновѣсіе падающаго аппарата. Аэропланъ началъ быстро выпрямляться, паденіе замедлилось, колесо снова очутилось въ рукахъ у пилота, и—о радость!—руль оказался въ исправности. Сергѣй Миртовъ сразу далъ ему надлежащее направленіе. Чтобы нѣсколько умѣрить быстроту полета, онъ описалъ въ воздухѣ кругъ и затѣмъ плавнымъ планирующимъ спускомъ приземлился у своихъ позицій.

Тѣмъ временемъ его товарищи пришли въ себя и уже оттянули обратно въ каюту кусокъ брезента, сослужившаго имъ такую службу.

Боевые товарищи радостно привѣтствовали летчиковъ. Они не чаяли ихъ видѣть живыми, когда замѣтили въ бинокль катастрофу, и съ ужасомъ созерцали паденіе, длившееся всего три съ половиной секунды. Никто не могъ понять, какъ и отчего все это произошло. Аппаратъ оказался неповрежденнымъ, авіаторы отлично выполнили свою задачу и принесли весьма удачные снимки съ непріятельскихъ позицій.

Причиной едва не случившагося несчастія, по всей вѣроятности, была воздушная яма, въ которую аэропланъ попалъ одной своей стороной, при чемъ, можетъ-быть, совпалъ съ перебоемъ мотора.

Въ этотъ вечеръ, представленный къ наградѣ, подпоручикъ Миртовъ отправлялъ телеграмму своимъ родителямъ въ Царское Село:

«Благополучно спасся отъ катастрофы на «Муромцѣ», благодаря сну, видѣнному мною двадцать лѣтъ тому назадъ, и разговору, который имѣлъ по этому поводу въ то время съ инженеромъ Ивановымъ».

ВОСКРЕСШІЯ МОГИЛЫ.

Очерки по русской археологіи И. Н. Бороздина.

Какъ возникла и развивалась наука о древностяхъ въ Россіи.

Расцвѣтъ археологической науки въ Россіи относится ко второй половинѣ XIX вѣка. Въ это время у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, было обращено серьезное вниманіе на тѣ драгоцѣнные памятники, которые таились въ нѣдрахъ земныхъ. Молчаніе или скудость лѣтописныхъ свидѣтельствъ часто мѣшали рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ исторіи; нерѣдко бывали и цѣлые пробѣлы въ изображеніи исторической жизни народовъ за полнымъ отсутствіемъ письменныхъ данныхъ.

Именно тутъ и сказалось громадное значеніе науки о древностяхъ. Ревниво оберегавшая свои сокровища, земля разступилась передъ пытливой работой археолога. Изъ древнихъ, полуистлѣвшихъ жилищъ и могилъ вставали старинныя тѣни и выдавали свои тайны, свои исторіи величія и паденія... Многія эпохи, окутанныя сѣдой дымкой тумановъ, теперь прояснились и предстали передъ нами. Величественное поле исторіи все росло, расширяясь и расчищаясь.

Если главные успѣхи русской археологіи знаменуютъ собой XIX вѣкъ, то возникновеніе интереса къ открытію и собранію древнихъ памятниковъ относится ко времени значительно предшествующему. Въ Московской Руси мы можемъ отмѣтить ту крѣпкую любовь къ старинѣ и святынямъ, которая является основнымъ началомъ всякаго древневѣдѣнія и древлехраненія. Царь Алексѣй Михайловичъ, большой любитель книжнаго чтенія и письма, отличался опредѣленными симпатіями къ старинѣ и скупалъ за высокія цѣны византійскія древности.

Ко времени этого царя относится извѣстіе о первомъ правительственномъ вмѣшательствѣ въ производство раскопокъ, хотя, правда, не для видовъ науки, а съ цѣлью узнать о мѣстонахожденіи золота (указъ 1669 года).

Петръ I великій преобразователь, не могъ не обратить вниманія на древности. Путешествуя за-границей, онъ знакомился съ памятниками старины, интересовался ими. Для него ясно было, какое большое культурное значеніе они могутъ имѣть. И въ запискахъ его современниковъ, его выученниковъ, посылаемыхъ на учёбу въ чужіе края, мы видимъ, какъ начинаютъ они на ряду со всякими «фестинами» и «конверсаціонами» интересоваться и историческими памятниками, правда, прежде всего тѣми памятниками, которые особенно бро-

сались въ глаза независимо отъ ихъ старины. Нерѣдко въ запискахъ подневольныхъ путешественниковъ Петровскаго времени мы встрѣчаемъ упоминанія о статуяхъ «поганскихъ богинь» (особенно въ Италіи) или вотъ какъ описываетъ особенно поразившій его памятникъ извѣстному гуманисту Эразму Роттердамскому князь Куракинъ:

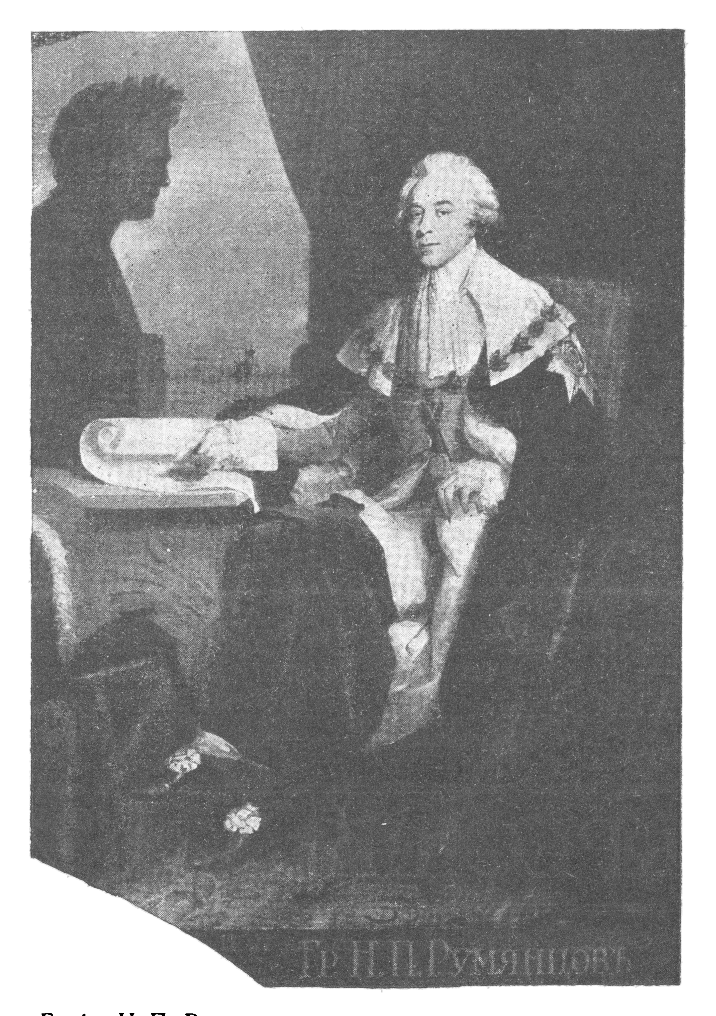
«Сдѣланъ мужикъ вылитой мѣдный съ книгой въ знакъ тому, который былъ человѣкъ гораздо ученый и часто людей училъ, а тому на знакъ то и сдѣлано».

Этотъ интересъ къ вещественнымъ историческимъ памятникамъ сказался еще въ большой степени и на родинѣ.

Петръ I приказываетъ собирать древности, которыя находились на мѣстѣ стараго Болгарскаго царства (на Волгѣ и Камѣ), особенно тѣ вещественные памятники, которые даютъ развалины города Булгаръ, разгромленнаго татарами въ 1236 году. Въ 1716 г. Петръ снаряжаетъ первую научную экспедицію въ Сибирь и поручаетъ ей, между прочимъ, произвести тамъ археологическія изысканія. Указомъ 1718 года предписывалось: «Давать награду за найденныя необыкновенныя вещи, каменья, кости, ружья, посуду, что зѣло старо и необыкновенно».

Черезъ два года послѣдовало особое распоряженіе относительно Сибири: «Куріозныя вещи, найденныя въ Сибири, и золото, которое въ могилахъ находятъ, покупать и, не переливая, присылать въ бергъ-и мануфактуръ-коллегію». Какое важное значеніе придавалъ Петръ изученію древностей, видно изъ того, что онъ включилъ его въ кругъ занятій задуманной имъ Академіи Наукъ.

При ближайшихъ преемникахъ Петра мы также можемъ отмѣтить рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что интересъ къ древностямъ все возрасталъ. Такъ, родной внукъ преобразователя, молодой императоръ Петръ II, открыто предпочиталъ новому городу, Петрограду, стародавнюю Москву съ ея древностями и святынями; при немъ Оружейная и Мастерская палаты сдѣлались хранилищами государственныхъ историческихъ памятниковъ и археологическихъ рѣдкостей.

Графъ Н. П. Румянцевъ—ревнитель русскаго историческаго знанія.

При императрицѣ Аннѣ въ 1732 году повелѣно было: «Серебряныя и золотыя примѣчательныя вещи, имѣющіяся въ присутственныхъ мѣстахъ, оставленныя для куріозитету, передать въ Мастерскую палату». Въ правленіе той же государыни извѣстный русскій историкъ и государственный дѣятель, В. Н. Татищевъ, оставившій капитальнымъ памятникомъ любви къ родной старинѣ—свою «Исторію», составилъ программу для собиранія археологическихъ свѣдѣній по Россіи; инструкція эта была одобрена Академіей Наукъ и разослана по губерніямъ.

Ко второй половинѣ XVIII вѣка относится рядъ командировокъ ученыхъ академиковъ по различнымъ частямъ Россіи для ея обслѣдованія. Нерѣдки были во время этихъ поѣздокъ случаи пріобрѣтенія и описанія встрѣчаемыхъ древностей. Въ знаменательное правленіе Екатерины II, которая, какъ извѣстно, живо интересовалась исторіей, мы видимъ большой подъемъ историческаго знанія, нагляднымъ свидѣтельствомъ чего могутъ служить выдающіеся труды кн. Щербатова, Болтина, Н. И. Новикова и др.

Въ связи съ занятіемъ исторіей усиливается интересъ и къ древностямъ. Появляются такіе коллекціонеры-меценаты, какъ Мусинъ-Пушкинъ, кладется начало Императорскому Эрмитажу—этому замѣчательному культурно-археологическому хранилищу Россіи. Большое вниманіе привлекаютъ памятники греко-римскихъ колоній во вновь присоединенномъ Крымѣ. Открываются, наконецъ, такіе видные образцы вещественной археологіи, какъ Тмутараканьскій камень, бросающій новый свѣтъ на княжескія территоріальныя отношенія въ Кіевской Руси.

При Александрѣ I изученіе русскихъ древностей связано съ именемъ поборника и ревнителя русскаго историческаго знанія, графа Н. П. Румянцева, положившаго начало извѣстному Московскому Румянцевскому музею. Съ своими энергичными и умѣло подобранными сотрудниками онъ много потрудился на «благое просвѣщеніе» родной страны. Графу Румянцеву въ 1820 году было позволено, между прочимъ, раскапывать курганы на казенной землѣ. Имъ же организуется ученое археографическое путешествіе по Россіи съ цѣлью изученія и обслѣдованіе историческихъ источниковъ.

Въ это же время Карамзинъ выпускаетъ «Исторію Государства Россійскаго», своимъ художественнымъ изложеніемъ поднимая новый интересъ къ прошлымъ судьбамъ отечества, основывается Общество Исторіи Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, опредѣленно поставившее въ число своихъ задачъ изученіе памятниковъ вещественныхъ; появляется въ свѣтъ описаніе Оружейной Палаты.

Еще болѣе подвигается впередъ дѣло изученія древнихъ памятниковъ при Николаѣ I. Предпринимаются правительственныя раскопки въ Новороссіи и на Волгѣ, реставрируются домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ и Софійскій соборъ въ Кіевѣ съ его древней мозаикой и фресками, предпринимается изданіе «Древностей Россійскаго Государства» (большое художественно-археологическое изданіе); дѣлаются, наконецъ, попытки къ приведенію въ извѣстность и описанію, на средства правительства, всѣхъ древнихъ монументальныхъ памятниковъ, находящихся въ предѣлахъ Россіи.

Къ этому же времени относится и основаніе ученыхъ обществъ и установленій, имѣющихъ своимъ предметомъ изученіе древностей. Въ Одессѣ учреждается Общество Исторіи и Древностей, нашедшее себѣ богатое поле

Графъ А. С. Уваровъ—основатель и предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества.

дѣятельности въ изученіи классическихъ древностей нашего Черноморья; въ Петроградѣ основывается Русское Археологическое Общество (въ 1846 г.), кладутся начала Археологической Комиссіи.

Вторая половина XIX столѣтія—это уже эпоха полнаго развитія археологіи. По всему лицу земли русской ведется горячая и неустанная работа, производятся раскопки на правительственныя и частныя средства, описываются памятники старины, собираются богатѣйшія коллекціи, основываются музеи, опубликовываются многіе труды, собираются періодически всероссійскіе и областные археологическіе съѣзды и т. д.

Русская археологія, хотя и позже вступила въ общенаучную семью, заняла, однако, весьма скоро въ ней видное и почетное мѣсто. На ряду съ изученіемъ древностей первобытныхъ, классическихъ и восточныхъ, относящихся къ древнѣйшимъ обитателямъ Россіи и богато представленнымъ, идетъ и основательное обслѣдованіе нашихъ національныхъ древностей. Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить выдающіяся заслуги основателя Московскаго Археологическаго Общества графа А. С. Уварова.

Главнѣйшія задачи созданнаго имъ въ 1864 году Общества заключались въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) въ занятіяхъ по археологіи вообще и преимущественно по изученію русскихъ древностей и 2) въ возбужденіи сочувствія къ остаткамъ старины русской, къ разработкѣ разныхъ вопросовъ, касающихся произведеній русскаго духа, русскаго искусства и къ уничтоженію среди общей массы народонаселенія равнодушія къ этимъ произведеніямъ.

Дѣло, завѣщанное графомъ Уваровымъ, получило быстрое развитіе. Теперь уже при разработкѣ многихъ вопросовъ древней русской исторіи нельзя обходиться безъ привлеченія памятниковъ вещественныхъ; часто, благодаря имъ, многое освѣщается по-новому, а нерѣдко удачно восполняются и существовавшіе до сихъ поръ досадные пробѣлы. Многіе памятники старины, находимые въ предѣлахъ Россіи, имѣютъ первоклассное обще-историческое значеніе. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на замѣчательныя открытія въ области старо-каменнаго вѣка (Карачаровская, Кіево-Кирилловская и Мезинская стоянки), ново-каменнаго вѣка (знаменитая Трипольская культура—начало Средиземноморской цивилизаціи), бронзоваго вѣка (Кобанскій могильникъ), желѣзнаго вѣка, скиѳовъ (съ ихъ богатѣйшими курганами), восточныхъ народовъ, обитавшихъ на Кавказѣ и Закавказьѣ (Ванское царство—грозный соперникъ Ассиріи), греко-римскихъ колоній на сѣверномъ побережьи Чернаго моря и мн. др.

Подробнѣе на этихъ открытіяхъ мы остановимся въ нашихъ слѣдующихъ очеркахъ. Пока же отмѣтимъ, что благодаря этимъ открытіямъ сдѣлались возможными опубликованія цѣлаго ряда ученыхъ работъ. Къ изслѣдованіямъ русскихъ археологовъ съ большимъ вниманіемъ относится весь ученый міръ. Ихъ труды авторитетно вошли въ обще-научный обиходъ. Безъ знакомства съ сокровищами нашихъ музеевъ нельзя написать никакого общаго труда по археологіи.

Такъ мощно и богато представлены различными памятниками старины наши хранилища, особенно Эрмитажъ въ Петроградѣ и Россійскій Историческій музей въ Москвѣ. Московскій Историческій музей былъ созданъ по почину графа Уварова, который мечталъ дать вещественную исторію нашей родины съ древнѣйшихъ временъ. Энергичнымъ продолжителемъ работъ графа въ этомъ направленіи явился замѣчательный знатокъ русской старины, историкъ города Москвы, И. Е. Забѣлинъ. Благодаря его и другихъ ученыхъ трудамъ мечты стали претворяться въ дѣйствительность; уже открытые залы Историческаго музея представляютъ незамѣнимый матеріалъ для знакомства съ древнѣйшимъ прошлымъ нашего отечества.

Вслѣдъ за столицами всколыхнулась и провинція, появились ученыя архивныя комиссіи въ губернскихъ городахъ, занявшіяся археологическими раскопками, созданы были на общественныя и частныя средства провинціальные музеи и хранилища, нерѣдко обладающіе первостепеннымъ археологическимъ матеріаломъ.

И. Е. Забѣлинъ—историкъ города Москвы, знатокъ русской старины.

Такъ растетъ и ширится дѣло археологіи, науки о древностяхъ. Она расчищаетъ путь для исторіи и даетъ новые матеріалы для возсозданія далекихъ и забытыхъ эпохъ.

Изъ глубокихъ могилъ, изъ высокихъ кургановъ встаютъ старыя тѣни, воскресаютъ образы прошлаго... Встаетъ и древнѣйшій засельникъ русской земли, дѣйствовавшій всюду и во всемъ камнемъ,—человѣкъ первобытный, но уже своеобразный цѣнитель прекраснаго, старающійся свое грубое каменное орудіе чѣмъ-то украсить. Встаетъ и загадочный носитель загадочной культуры, простиравшейся отъ Крита до Кіева и отъ береговъ Малой Азіи до Испаніи, своей изумительной керамикой и другими издѣліями оставившій замѣтный слѣдъ въ нашей землѣ. Встаетъ и скиѳъ-воитель, встаетъ изъ кургана, таящаго великія и богатыя цѣнности. Пестрыми и яркими красками сверкаетъ жизнь греческой колоніи—шумнаго приморскаго города; передъ нами воскресаютъ колонисты—подвижные греки, пріѣхавшіе искать счастья на чужой сторонѣ и прочно осѣвшіе,—колонисты разнаго пола и возраста, общественнаго состоянія и положенія (отъ ребятъ съ ихъ игрушками до именитыхъ гражданъ, въ честь которыхъ издавались декреты). Встаетъ изъ кургана и древнерусскій богатырь, отъ вѣковѣчнаго сна разбуженный археологомъ; какъ бы сбываются его горделивыя мечты, онъ не забытъ, теперь уже знаютъ, кто спитъ подъ старымъ курганомъ.

Теперь уже не только унылый вѣтеръ пустыни пропоетъ надъ нимъ пѣсню; о немъ напишутъ ученые изслѣдователи, и сказъ о немъ войдетъ въ общую исторію родной земли...

Литература предмета: *Абрамовъ И.*—Что говорятъ забытыя могилы; *Багалѣй Д.*—Русская исторія, т. I; *Бороздинъ И.*—Археологія (Энц. слов. Граната, т. IV). *Бѣляшевскій Н.*—Какъ я раскапывалъ курганы (Рус. Исторія въ очеркахъ и статьяхъ подъ ред. проф. Довнаръ-Запольскаго, т. I); *Полонская Н.*—Историко-культурный атласъ по русской исторіи; *Спицынъ А.*—Археологическія раскопки; *его же*—Археологическія развѣдки.

ГОСТИНИЦА ВЪ СТЕПИ.

Разсказъ Е. Джемсона.

Одинокая гостиница.

Въ ту минуту, когда Гендерсонъ увидѣлъ этотъ домъ, онъ былъ залитъ алыми лучами декабрьскаго заката. Онъ стоялъ совершенно одиноко, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, которая тянулась сѣровато-бѣлой лентой, раздѣлявшей степное нагорье на двѣ части. Семь миль было отъ этого мѣста до деревни, которую Гендерсонъ покинулъ, и шесть миль до слѣдующей деревни. Гостиница «Хромой Заяцъ» стояла почти на полдорогѣ между ними.

Это былъ приземистый некрасивый домъ изъ песчаника, окруженный такой глубокой тишиной, что Гендерсонъ могъ слышать тихій свистъ вѣтра въ верескѣ у своихъ ногъ. Не было видно ни одного живого существа, вообще ничего, кромѣ этого некрасиваго дома, напоминающаго тѣ домики, которые дѣти рисуютъ на аспидныхъ доскахъ—ровный квадратъ съ дверью какъ разъ посерединѣ, два окошка по обѣ стороны двери и третье какъ разъ надъ вывѣской.

Подойдя къ дому нѣсколько сбоку, Гендерсонъ увидѣлъ, что если спереди гостиница казалась очень маленькой, то въ глубину она занимала довольно много мѣста и имѣла рядъ пристроекъ. Въ этой боковой стѣнѣ дома находилось только одно маленькое окошечко, не больше квадратнаго фута величиной, расположенное подъ самой крышей, которая сильно поросла мхомъ. Все это такъ запечатлѣлось въ памяти Гендерсона, что и много лѣтъ спустя онъ могъ описать домъ до малѣйшихъ подробностей.

По всей этой стѣнѣ шла зигзагообразная трещина, похожая формой на слѣдъ молніи, а въ окошкѣ одно стекло было разбито, словно въ него швырнули камнемъ. Несмотря на яркій свѣтъ кругомъ, домъ имѣлъ очень мрачный видъ и произвелъ на Гендерсона такое отталкивающее впечатлѣніе, что онъ нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшительности, колеблясь, переночевать ли здѣсь или итти до слѣдующей деревни.

Странно было то, что на планѣ, который Астли собственноручно начертилъ для него, «Хромой Заяцъ» совершенно не упоминался, хотя всѣ остальныя гостиницы были аккуратно отмѣчены. Гендерсонъ посмотрѣлъ на планъ еще разъ. Вотъ гостиница «Роза», гдѣ онъ ночевалъ вчера. Въ слѣдующей деревнѣ «Пѣгая тройка» обѣщала хорошій столъ. А «Хромого Зайца» Астли пропустилъ, хотя и составилъ маршрутъ тщательно, почти съ любовью, какъ человѣкъ, отлично знающій каждый вершокъ дороги, по которой онъ самъ шагалъ три года назадъ въ поискахъ за здоровьемъ.

Хотя пѣшеходная экскурсія значительно улучшила уже здоровье Гендерсона, онъ чувствовалъ себя сегодня очень усталымъ. Котомка за плечами давила, какъ никогда, и вдобавокъ его мучилъ голодъ. Воздухъ на этихъ высотахъ имѣлъ что-то ледяное въ своемъ дыханіи, а низкія тучи словно обѣщали снѣгъ. Закатъ былъ не мирный, а гнѣвный и угрожающій. Гендерсонъ вспомнилъ, что темнота наступитъ раньше, чѣмъ онъ успѣетъ добраться до слѣдующей деревни, и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, почему онъ колеблется воспользоваться возможностью отдыха. Обыкновенно онъ рѣшалъ всякіе вопросы быстро, но однимъ изъ непріятныхъ послѣдствій его нервнаго переутомленія было именно чувство нерѣшительности, когда дѣло касалось пустяковъ. Сегодня эта нерѣшительность мучила его сильнѣе обыкновеннаго, и онъ невольно досадовалъ на Астли, зачѣмъ онъ забылъ отмѣтить гостиницу «Хромой Заяцъ».

Онъ опять взглянулъ на безмолвный домъ. Если бы не дымъ, выходившій изъ трубы, ничто не указывало бы, что домъ обитаемъ. Входная дверь оставалась закрытой, окна были безъ занавѣсокъ, и не было видно ни цвѣточныхъ горшковъ на подоконникахъ, ничего... «Но если даже въ этой гостиницѣ мало удобствъ, то постель и ужинъ во всякомъ случаѣ найдутся», подумалъ Гендерсонъ. Мысль о постели и собственной усталости заставила его, въ концѣ концовъ, рѣшиться переночевать здѣсь.

Въ тотъ моментъ, когда онъ принялъ это рѣшеніе, его вниманіе привлекъ первый признакъ жизни въ домѣ. Рама окошечка подъ крышей тихонько поднялась, какъ будто кто-то замѣтилъ, наконецъ, его приближеніе. Въ томъ, какъ подняли раму, было что-то крадущееся, невольно заставившее Гендерсона насторожиться. Онъ почувствовалъ, что его сердце забилось шибче... Но когда человѣкъ утомленъ, всякая незначительная мелочь зачастую принимаетъ для него странную форму.

Изъ окна показалась женская рука съ полуоткинутымъ назадъ рукавомъ. Это была очень худенькая и

безкровная рука, забинтованная около кисти. Гендерсону показалось, что, несмотря на всю крадучесть движенія, хозяйка руки желаетъ, чтобы онъ увидѣлъ ее. Направивъ указательный палецъ въ ту сторону, откуда онъ пришелъ, эта рука словно предостерегала о чемъ-то, словно убѣждала его итти назадъ.

Недоумѣвая, Гендерсонъ оглянулся. Позади него не было ничего, кромѣ пустынной степи и бѣлой ленты безлюдной дороги... Когда онъ опять повернулся къ дому, окошко было закрыто, рука исчезла.

Въ другое время видъ указующаго пальца могъ бы возбудить въ немъ только развѣ любопытство, но отнюдь не какое-либо чувство страха. А между тѣмъ именно чувство страха, жути овладѣло имъ теперь, и притомъ въ такой сильный степени, что онъ повернулся бы и пошелъ дальше, не заглядывая въ «Хромого Зайца», если въ это мгновеніе дверь не отворилась бы вдругъ и оттуда не вышла бы женщина, которая остановилась на порогѣ и посмотрѣла въ его сторону, прикрывъ глаза рукой, какъ щитомъ.

Хозяйка.

Видъ этой женщины сразу разсѣялъ всѣ страхи Гендерсона. Онъ даже засмѣялся,—такъ велико было его чувство облегченія.

Это была дородная, почти толстая баба съ круглымъ, какъ блинъ, лицомъ, мелкія черты котораго расплылись отъ жира, вслѣдствіе чего глаза казались меньше, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Но эти глаза были острые и наблюдательные. Гендерсонъ почувствовалъ, что однимъ взглядомъ они оглядѣли его во всѣхъ подробностяхъ, чуть не до содержимаго его кармановъ и котомки.

Невольно онъ выпрямился и пріосанился. Его рѣшеніе было принято.

— Можно у васъ получить ужинъ и ночлегъ?—спросилъ онъ.

Она не сразу отвѣтила, и ему пришло въ голову, что она, пожалуй, откажетъ ему. Черезъ ея плечо онъ видѣлъ ярко пылающій очагъ въ кухнѣ. Кухня производила очень опрятное впечатлѣніе, какъ и она сама въ своемъ домотканномъ платьѣ и пестромъ фартукѣ въ бѣлую и синюю клѣтку.

Теперь ему хотѣлось только одного, чтобы хозяйка «Хромого Зайца» приняла его.

— Я пришелъ сюда изъ ближайшей деревни, гдѣ останавливался въ гостиницѣ «Роза»,—сказалъ онъ, сообщая эти свѣдѣнія какъ своего рода удостовѣреніе личности.

Она опять окинула его быстрымъ зоркимъ взглядомъ.

— И они вамъ порекомендовали зайти сюда?—спросила она. Ея голосъ былъ мягкій и грудной и раньше, чѣмъ онъ отвѣтилъ, она засмѣялась беззвучнымъ смѣхомъ, отъ котораго заколыхалось все ея тучное тѣло, а лицо сложилось въ сотни складокъ, среди которыхъ зоркіе глазки превратились въ двѣ крошечныя щелочки, въ двѣ маленькія блестящія точки.

«Она похожа на жирную бѣлую кошку», мелькнуло въ умѣ Гендерсона, и онъ опять почувствовалъ непріязнь къ этому мѣсту, потому что онъ не любилъ кошекъ. Но съ другой стороны, весь ея видъ говорилъ о вкусномъ столѣ, удобствахъ и чистотѣ.

Гендерсонъ былъ всегда очень вѣжливъ съ женщинами. Онъ улыбнулся полуизвиняющейся улыбкой, словно прося снисхожденія за то, что въ «Розѣ» ему ничего не сказали про «Хромого Зайца».

— Если бы они знали, что я иду въ эту сторону, они навѣрное посовѣтовали бы мнѣ остановиться у васъ,—сказалъ онъ.—Но они не знали.

— Они не знали,—повторила за нимъ хозяйка своимъ неторопливымъ пѣвучимъ говоромъ. Ея глаза опять приняли нормальный размѣръ, и она стала дѣловитой почти суровой.—Вы можете получить здѣсь просторную и удобную комнату. А что до ужина, то вы останетесь довольны, думаю.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь,—дружелюбно сказалъ Гендерсонъ.

Со вздохомъ облегченія онъ снялъ котомку съ плечъ. Онъ чертовски усталъ.

Бросивъ взглядъ на пустынную дорогу, хозяйка повернулась и повела его въ кухню. Это была просторная комната съ желтыми стѣнами и открытымъ очагомъ, на которомъ весело пылали дрова, бросая красный отсвѣтъ на ряды ярко-вычищенныхъ мѣдныхъ кастрюлекъ. Здѣсь безусловно было очень чисто и опрятно, гораздо лучше чѣмъ въ «Розѣ», и Гендерсонъ поздравлялъ себя со своимъ рѣшеніемъ, удивляясь только еще больше, какъ Астли могъ пропустить такую прекрасную гостиницу.

Походка хозяйки, въ то время какъ она пересѣкала кухню, была странно безшумная и извивающаяся, такъ что опять Гендерсону пришло на умъ сравненіе съ кошкой. Но теперь въ этой мысли не было ничего непріятнаго. Все непріятное было заглушено уютомъ кухни и аппетитнымъ запахомъ мяса, которое тушилось въ кастрюлѣ на очагѣ.

По одну сторону очага стояла кушетка съ высокой спинкой, но когда Гендерсонъ направился туда, чтобы сѣсть, онъ увидѣлъ, что кушетка занята большимъ черномазымъ мужчиной, морякомъ судя по одеждѣ. Тотъ спалъ, запрокинувъ голову и обнаживъ черные отъ табака зубы въ некрасивой гримасѣ. Такъ какъ ноги его были вытянуты во всю длину, то Гендерсонъ не могъ сѣсть.

Хозяйка, не обращая на это вниманія, занялась кастрюлей.

— У васъ тутъ славно,—замѣтилъ Гендерсонъ, грѣя руки у огня.—И вашъ другой посѣтитель, видимо, очень доволенъ своимъ положеніемъ. Холодъ нагоняетъ сонъ.

Хозяйка стала мѣшать въ кастрюлѣ, устремивъ взглядъ на спящаго.

— Онъ пришелъ издалека. Не скоро проснется,—сказала она.

Гендерсонъ отыскалъ деревянный стулъ и сѣлъ. Его чувство усталости все возрастало. Хозяйка бросила на него быстрый зоркій взглядъ, составлявшій странный контрастъ съ ея неторопливыми кошачьими движеніями и неторопливымъ говоромъ.

— И у васъ тоже видъ усталый,—продолжала она.

— Я переутомился отъ работы. Поэтому я и путешествую здѣсь. Докторъ мнѣ прописалъ это.

Она продолжала мѣшать, потомъ пошла къ буфету и достала тамъ что-то, что тоже бросила въ кастрюлю. Гендерсона начала одолѣвать дремота. Онъ почувствовалъ, что его голова падаетъ на грудь.

Усиліемъ воли онъ заставилъ себя встрепенуться и поймалъ взглядъ хозяйки, устремленный на его котомку. На этотъ разъ ея глаза выражали хитрость, алчность и еще что-то неуловимое. Что именно, Гендерсонъ не могъ понять, но рѣшилъ не засыпать.

Онъ сидѣлъ на жесткомъ стулѣ и завидовалъ удобному положенію моряка. Тотъ теперь началъ храпѣть протяжнымъ густымъ храпомъ, очень непріятнымъ для слушателей. Гендерсонъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на него.

— Не хотѣлъ бы имѣть его сосѣдомъ по спальнѣ,—замѣтилъ онъ и, желая, чтобы морякъ пересталъ скалить зубы, спросилъ:—Не разбудить ли его?

Хозяйка обернулась, и подливка закапала въ золу съ большой ложки, которую она держала въ рукѣ

— Оставьте его, онъ мнѣ не мѣшаетъ.

Гендерсонъ дѣланно засмѣялся.—Какъ вамъ угодно.

— Я скажу дѣвушкѣ, чтобы она приготовила вамъ комнату. Вамъ какъ, затопить каминъ?

— Да, пожалуйста. Очень вамъ благодаренъ. Я страшно усталъ послѣ прогулки и лягу спать, какъ только поѣмъ вашъ великолѣпный ужинъ.

Хозяйка прошла за буфетъ и открыла дверь, про которую Гендерсонъ думалъ раньше, что она закрываетъ стѣнной шкапъ.

— Сара! — позвала она, и Гендерсонъ замѣтилъ въ ея мягкомъ голосѣ новую нотку — нотку властную, деспотическую.

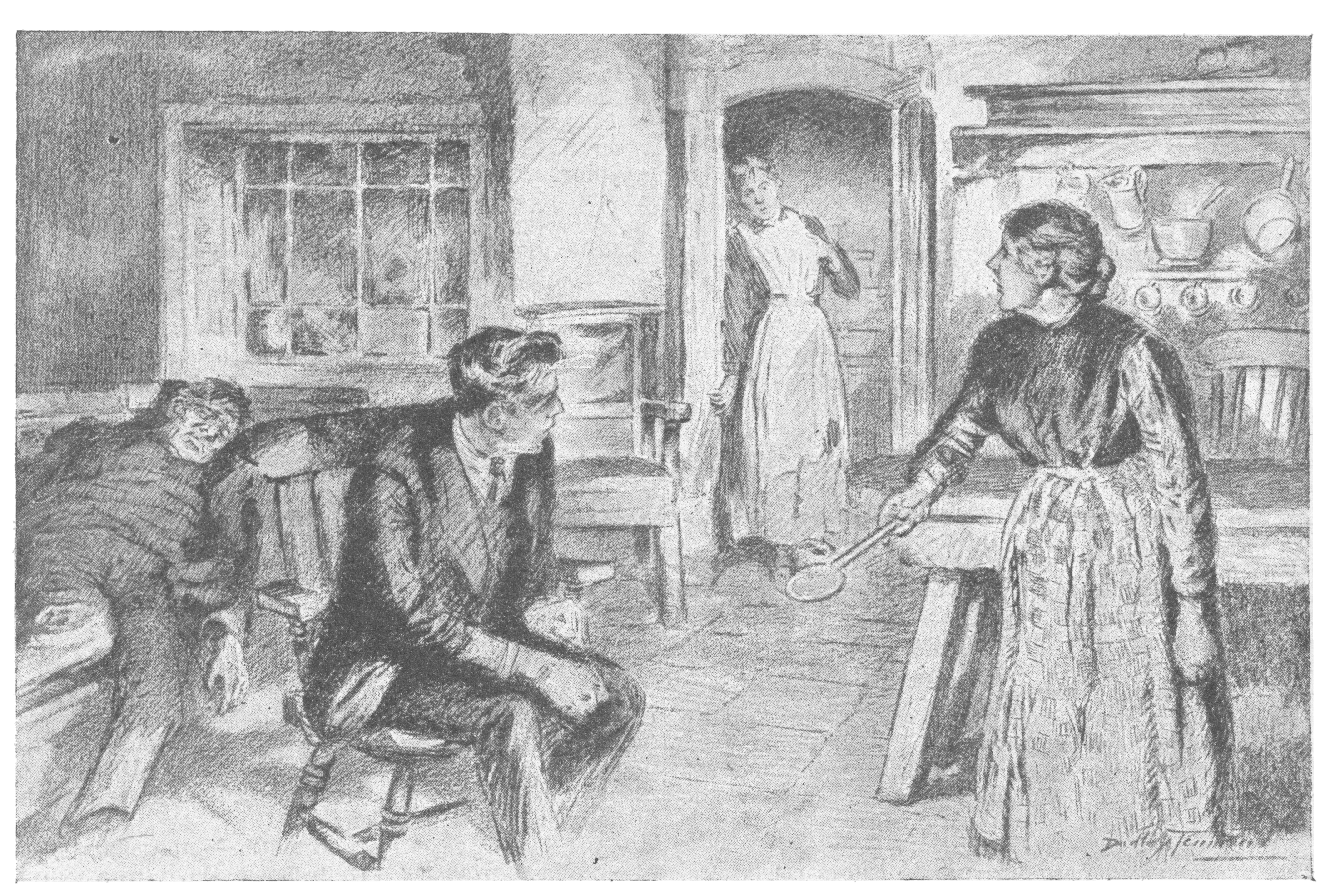
Онъ услышалъ шаги, какъ-то особенно медленно спускавшіеся по ступенькамъ, словно нужно было тщательно ощупывать каждую изъ нихъ.

— Въ задней комнатѣ съ дубовымъ шкапомъ?—повторила она.

Хозяйка грозно повернулась къ ней.

— Конечно. Куда же барину повѣсить свое платье иначе? Дура! Ступай скорѣй и дѣлай, что тебѣ сказано.

И она опять принялась мѣшать свое варево. Гендерсонъ, наблюдавшій за дѣвушкой, увидѣлъ, что та вздрогнула. Готовясь уйти, она повернула голову черезъ плечо и въ первый разъ взглянула на него. Въ разсѣянномъ взглядѣ ея широко раскрытыхъ глазъ было написано что-то въ родѣ ужаса, отчаянія... или предостереженіе... Гендерсонъ не могъ понять хорошенько, что именно говорили эти глаза, но на него словно пахнуло вдругъ ледянымъ дыханіемъ, и мурашки побѣжали у него по спинѣ.

Дверь раскрылась шире, и въ кухню вошла молодая дѣвушка.

Хозяйка вернулась на свое мѣсто у очага и опять стала орудовать своей большой желѣзной ложкой. Гендерсонъ не спускалъ глазъ съ двери. Вотъ она открылась шире, и въ кухню вошла молодая дѣвушка.

Она была небольшого роста и очень худая, съ большими, безцвѣтными испуганными глазами, въ выраженіи которыхъ было что-то отсутствующее. Она не посмотрѣла на Гендерсона, а мимо него на моряка, который храпѣлъ на кушеткѣ, и Гендерсонъ увидѣлъ въ ея глазахъ болѣзненный ужасъ.

Не отходя отъ кастрюли, хозяйка отдала свои распоряженія:

— Растопи каминъ въ большой задней комнатѣ. Господинъ хочетъ переночевать у насъ.

Дѣвушка медлила:

— Въ задней комнатѣ? Вы сказали, въ задней комнатѣ?

Говоря это, она сдѣлала рукой движеніе вверхъ, и Гендерсонъ узналъ руку, худенькую, безкровную руку, перевязанную у кисти и съ откинутымъ рукавомъ.

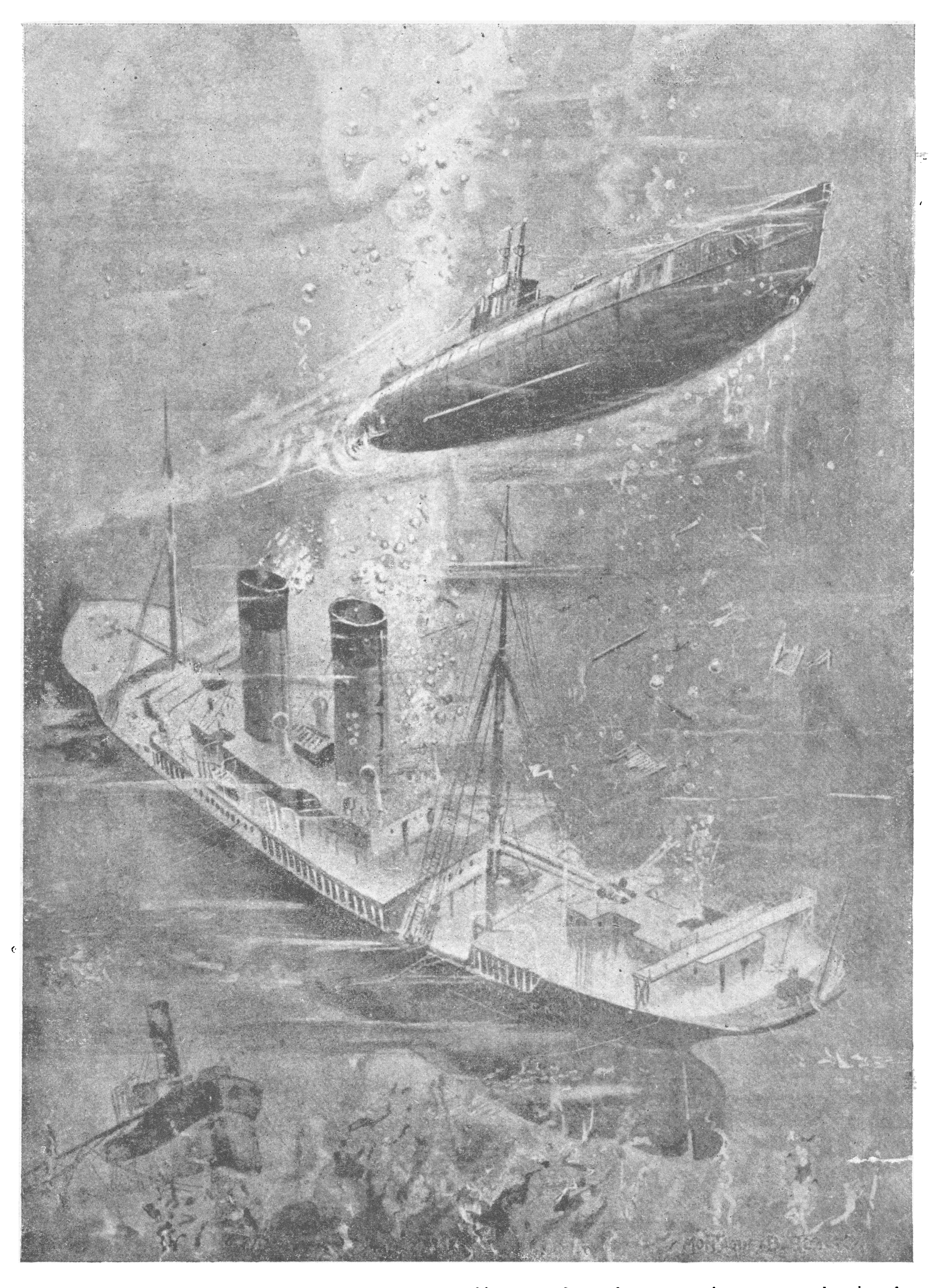
Держа одну руку у груди, а другую свѣсивъ вяло среди складокъ ситцеваго платья, дѣвушка вышла изъ кухни. Гендерсонъ услышалъ ея шаги на деревянной лѣстницѣ и насчиталъ семь ступенекъ.

Со своимъ отсутствующимъ взглядомъ и раскрытымъ ртомъ дѣвушка показалась ему полу-идіоткой. Ему стало жаль это худенькое, блѣдное, голодное на видъ созданіе, и онъ рѣшилъ, что утромъ непремѣнно дастъ ей монету покрупнѣе.

Тепло кухни, тиканье часовъ и мягкіе шаги хозяйки наводили на него почти непреоборимую сонливость. Все кругомъ словно застлалось дымкой. Онъ задремалъ, должно-быть, на одну-двѣ минуты.

Храпъ моряка опять возвратилъ его къ дѣйствительности. Морякъ силился приподняться на кушеткѣ, тупо оглядываясь по сторонамъ. Въ его глазахъ появилась какая-то свирѣпость, когда онъ замѣтилъ Гендерсона. Хозяйка положила руку къ нему на плечо и заставила его опять принять горизонтальное положеніе. Въ ея

ПОДВОДНОЕ КЛАДБИЩЕ КОРАБЛЕЙ.

Шныряя, какъ жадныя акулы по морскому простору, германскія подводныя лодки топятъ безъ предупрежденія всѣ суда, которыя попадаются на ихъ пути. Морской путь изъ Европы въ Америку усѣянъ теперь жертвами этихъ акулъ. Много останется на землѣ памятниковъ германскаго варварства въ видѣ разрушенныхъ соборовъ и опустошенныхъ странъ, но еще больше будетъ ихъ въ глубинѣ морей. Тамъ корабли-призраки будутъ служить жилищемъ всевозможныхъ морскихъ животныхъ, пока время не завершитъ ихъ уничтоженія.

голосѣ звучала предостерегающая нотка, когда она сказала:

— Лежи спокойно, твой ужинъ еще не готовъ.

Но морякъ продолжалъ ерзать на кушеткѣ и безпокойно шарилъ руками, словно искалъ чего-то.

— Вотъ твой узелокъ,—сказала хозяйка, бросая ему большой узелокъ въ красномъ платочкѣ. Что-то звякнуло, когда узелокъ упалъ на кушетку. Морякъ схватилъ его и опять моментально заснулъ, какъ человѣкъ подъ вліяніемъ опіума, но на этотъ разъ его сонъ былъ такъ крѣпокъ, что онъ даже не храпѣлъ.

Шкапъ въ стѣнѣ.

На концѣ большого кухоннаго стола хозяйка разостлала скатерть. Скатерть была чистая и тонкая, а приборы хорошо вычищенные и положенные надлежащимъ образомъ. Гендерсонъ рѣшилъ, что хозяйка жила раньше въ услуженіи, вѣроятнѣе всего была поварихой, и притомъ хорошей поварихой, потому что тушеное мясо, которое она положила на его тарелку, было самымъ вкуснымъ, какое онъ когда-либо пробовалъ, а онъ путешествовалъ немало Это онъ и сказалъ ей съ своей обычной вѣжливой манерой.

Улыбка сложила ея жирное лицо въ сотни складокъ.—Погодите, пока попробуете мою яичницу,—отвѣтила она.—Моими яичницами я горжусь.

— Болѣе вкусной яичницы я не ѣдалъ даже въ Парижѣ и Вѣнѣ,—признался Гендерсонъ, когда попробовалъ.—Гдѣ это вы научились дѣлать такія яичницы?

Хозяйка одарила его одной изъ своихъ лукавыхъ улыбокъ. Глаза ея сузились и стали двумя свѣтящимися точками.

— Я служила у одной француженки,—сказала она, отходя отъ стола.

Но Гендерсонъ зналъ какимъ-то инстинктомъ, что она лжетъ, хотя совершенно не понималъ, почему онъ это знаетъ и какое это можетъ имѣть значеніе. Вся его сонливость пропала; онъ чувствовалъ себя бодрымъ и на-чеку.

Обсуждая впослѣдствіи съ Астли подробности этого вечера, онъ могъ по совѣсти сказать, что кромѣ воды ничего не пилъ за ужинъ. Все возбуждающее было вѣдь запрещено ему, даже кофе.

Хозяйка принесла ему, правда, чашку чернаго кофе, говоря, что ея кофе не уступитъ ея яичницамъ, и Гендерсонъ чувствовалъ большое искушеніе выпить его. Но онъ зналъ, что послѣ этого не скоро заснетъ, а между тѣмъ сонъ ему былъ необходимъ. И онъ побѣдилъ искушеніе. Но въ то же время ему почему-то не хотѣлось огорчать хозяйку, отказавшись отъ ея угощенія. Поэтому онъ принялъ чашку, тѣмъ болѣе что зналъ, какъ можетъ распорядиться ея содержимымъ. Около него стоялъ большой ящикъ съ дровами. Туда-то онъ и выливалъ понемногу свое кофе, когда хозяйка поворачивалась къ нему спиной.

Окончивъ ужинъ, онъ поднялся и подошелъ къ очагу.

— Вы хотите итти въ свою комнату,—быстро сказала хозяйка.—Да, вамъ нужно отдохнуть. Это видно по вашему виду.

Она повела его изъ кухни черезъ ту дверь, въ которую онъ раньше вошелъ, и вверхъ по лѣстницѣ—не по той, по которой спускалась въ кухню Сара.

Наверху было темно.

— Принеси свѣтъ!—крикнула хозяйка, и опять Гендерсонъ подмѣтилъ деспотическую нотку въ ея голосѣ.

Сара показалась въ дверяхъ одной комнаты въ концѣ коридора. Хозяйка взяла у нея свѣчку.

— Ступай внизъ. Я сама провожу гостя въ его комнату,—приказала она.

Дѣвушка посторонилась, чтобы пропустить Гендерсона. Когда Гендерсонъ проходилъ мимо нея, до его ушей донесся тихій, еле уловимый шопотъ. И опять холодокъ пробѣжалъ по его спинѣ. Но словъ онъ не могъ разобрать. Не она ли опять предостерегала его? Онъ обернулся и посмотрѣлъ ей въ слѣдъ, въ то время какъ она удалялась по коридору.

Хозяйка хлопотливо заканчивала приведеніе комнаты въ порядокъ. Подъ конецъ она взяла мѣхи и раздула угли въ каминѣ. «Какъ она мило заботится о моихъ удобствахъ, добрая душа», подумалъ Гендерсонъ.

Передъ тѣмъ, какъ уйти, она зажгла двѣ свѣчи на каминѣ.

— Теперь можете спокойно ложиться,—сказала она.—Люди говорятъ, что эта постель удобная, такъ что, я думаю, вы будете спать сладко.

— Большое вамъ спасибо, голубушка,—отвѣтилъ Гендерсонъ.—Я вижу, что это была большая удача для меня, когда я наткнулся на вашу гостиницу.

Она ничего не сказала, но онъ услышалъ изъ коридора ея мягкій жирный смѣхъ.

— Не легко ей, вѣрно, съ этой полоумной служанкой,—сказалъ онъ себѣ и сталъ оглядывать комнату.

Это была довольно обыкновенная комната, только до-нельзя чистенькая и опрятная. Единственной, болѣе или менѣе, цѣнной вещью изъ мебели былъ массивный дубовый гардеробъ, который стоялъ въ нишѣ. Онъ потемнѣлъ отъ времени и былъ совсѣмъ простой на видъ, но Гендерсонъ, знавшій толкъ въ старинныхъ вещахъ, сразу увидѣлъ, что это хорошая работа, и подумалъ, согласилась ли бы хозяйка продать этотъ шкапъ. Дерево было великолѣпное и замѣчательно сохранилось.

Онъ провелъ рукой по поверхности шкапа и открылъ дверцу. Когда она откинулась на петляхъ, онъ увидѣлъ, что пространство внутри похоже на комнату, проникая глубже ниши. Тогда онъ пошелъ къ камину и вернулся со свѣчкой, чтобы лучше осмотрѣть внутренность гардероба.

Страннымъ показалось ему, что тамъ такъ много платья: все принадлежности мужского костюма. Они висѣли рядами на гвоздяхъ—пальто, пиджаки, сюртуки и брюки, иногда увѣнчанные шляпой или шапкой. Подъ каждымъ костюмомъ стояла пара обуви. Очевидно, покойный хозяинъ этой гостиницы (Гендерсонъ рѣшилъ, что онъ умеръ) обладалъ необыкновеннымъ разнообразіемъ костюмовъ и былъ въ то же время купецъ.

Этотъ рядъ висящихъ костюмовъ, каждый изъ которыхъ словно имѣлъ свою собственную индивидуальность, произвелъ на Гендерсона непріятное впечатлѣніе. Затхлый воздухъ шкапа тоже подѣйствовалъ на него непріятно, и онъ рѣшилъ не вѣшать сюда своего платья, хотя видѣлъ свободный гвоздь рядомъ съ драповымъ пальто, украшеннымъ большими перламутровыми пуговицами. На этомъ гвоздѣ висѣлъ ярлычокъ, какъ показалось Гендерсону. Но, посмотрѣвъ внимательнѣе, онъ увидѣлъ, что это клочокъ сѣроватой бумаги на которомъ что-то написано карандашомъ—написано крупными неровными буквами, очень черными кое-гдѣ, словно писавшій слюнилъ карандашъ, чтобы было виднѣе.

Все это настолько заинтересовало Гендерсона, что онъ снялъ бумажку и взялъ ее съ собой, чтобы разсмотрѣть при болѣе яркомъ свѣтѣ въ комнатѣ. *«Б-е-р»* разобралъ онъ. Потомъ *«е-г»*. Потомъ *«и-с-ъ»*. *«Берегисъ!»* Кто долженъ былъ беречься? Для кого предназначалась эта записка?

Ему пришло въ голову, что эти корявыя, кривыя буквы написаны полусумасшедшей служанкой. Онъ смялъ бумажку въ рукѣ, но тутъ же, повинуясь внезапному побужденію, опять разгладилъ ее и аккуратно положилъ въ свой бумажникъ.

Странное безпокойство овладѣло имъ. Ему вспомнились всѣ слышанные когда-либо разсказы объ ограбленныхъ путешественникахъ.

Правда, ничего цѣннаго у него не было съ собой. Онъ вѣдь шелъ совсѣмъ налегкѣ, даже пальто не взялъ, а только непромокаемый плащъ. Но все-таки у него были золотые часы, и золотая цѣпочка, и пачка ассигнацій на дорожные расходы...

На этомъ мѣстѣ его размышленій передъ нимъ опять всплылъ образъ дородной хозяйки, и Гендерсону стало стыдно за себя. «Глупости,—сказалъ онъ себѣ.—Нервы шалятъ. Надо ложиться». И онъ уже хотѣлъ сбросить куртку, однако, снова остановился. Сумасшедшая дѣвушка—она безусловно была сумасшедшая, и ея предостереженія не выходили у него изъ ума. Онъ пожалъ плечами, негодуя на свою дурацкую нервность, но вмѣсто того, чтобы раздѣваться, сѣлъ около камина, досталъ изъ кармана томикъ очерковъ Эмерсона и попробовалъ читать. Но и читать онъ не могъ. Мозгъ совершенно не воспринималъ того, что видѣли глаза на строчкахъ книги. Тогда онъ опустилъ книгу и подсѣлъ ближе къ огню, зябко ежась. Несмотря на то, что угли ярко пылали, въ комнатѣ было холодно, ощущался какой-то пронизывающій сырой холодъ, котораго Гендерсонъ не замѣтилъ раньше. Черезъ закрытыя дверцы дубоваго гардероба проникалъ затхлый заплѣсневѣлый запахъ одежды покойнаго хозяина гостиницы и непріятно ложился на горло, вызывая перхоту.

Онъ поднялся и подошелъ къ окну, чтобы впустить свѣжій воздухъ. Но окно было плотно закрыто, и всѣ его старанія открыть раму ни къ чему не привели. Очевидно, щиколка была припаяна. Онъ почувствовалъ сильное желаніе разбить одно изъ стеколъ, но удержался, сознавая, что взбудоражитъ этимъ весь домъ.

Онъ вернулся къ камину. Въ домѣ все было тихо. Эта тишина начала давить его. «Ужъ очень они безшумны внизу», подумалъ онъ.

Минуты шли. «А будь она проклята, эта сумасшедшая дѣвка,—съ внезапной злобой подумалъ онъ.—Пойду лягу и все тутъ».

Въ эту минуту изъ дубоваго шкапа донесся звукъ, слабый, почти неуловимый, но Гендерсонъ услышалъ его. Подобно тому, какъ слышно царапанье мышки даже сквозь болѣе громкій звукъ. Казалось, что-то шевелится въ шкапу. На дверцѣ не было никакой задвижки, никакого замка; въ этомъ Гендерсонъ уже убѣдился раньше. Стыдясь самъ себя, онъ схватилъ стулъ — самый тяжелый, какой былъ въ комнатѣ — и приставилъ его къ дверцѣ. Онъ намѣревался раньше выяснить, нѣтъ ли сообщенія черезъ гардеробъ съ коридоромъ, но почувствовалъ, что не въ состояніи шарить за висящимъ тамъ платьемъ. Затхлый запахъ гардероба наводилъ на него невыразимый ужасъ.

Въ то время, какъ онъ стоялъ и напряженно прислушивался, въ тишинѣ опять раздался тихій шорохъ. Но на этотъ разъ онъ шелъ съ другой стороны. Гендерсонъ быстро повернулъ голову. Дверь комнаты начала медленно пріоткрываться, и въ щель просунулась рука, худенькая, безкровная и перевязанная у кисти. Гендерсонъ стоялъ, какъ натянутая струна. Дверь пріоткрывалась медленно, и, тѣмъ не менѣе, въ этомъ движеніи было что-то странно настойчивое. Наконецъ на порогѣ появилась служанка. Ея большіе глаза почти вылѣзли изъ орбитъ, ротъ былъ раскрытъ. Это была голова Медузы, страшная, жуткая, дѣйствующая на нервы.

Она переступила черезъ порогъ, устремивъ теперь взглядъ на шкапъ. Она не произносила ни слова, но опять повернулась и посмотрѣла на Гендерсона все тѣми же широко раскрытыми вытаращенными глазами.

Должно быть ужасъ, написанный въ этихъ глазахъ, передался и ему. По крайней мѣрѣ, Гендерсонъ почувствовалъ, что весь дрожитъ.

«Она сумасшедшая», подумалъ онъ затѣмъ. Не нужно раздражать ее. Послѣ перваго испуга при ея появленіи видъ живого существа опять поднялъ его духъ.

Опять изъ гардероба раздался какой-то звукъ, на этотъ разъ болѣе яснѣй — царапающій шорохъ, какъ его производятъ крысы въ карнизѣ пола. И Гендерсону показалось, что стулъ, приставленный къ дверцѣ, закачался. Онъ обернулся. Дѣвушки больше не было въ комнатѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ШКОЛА ИСТИННЫХЪ СКАУТОВЪ.

«Домъ Мира» Рабиндраната Тагора въ Индіи.

Восточный философъ и поэтъ. — Дѣтство Тагора. — Школа въ Болпурѣ. — Внѣшняя свобода и внутренняя дисциплина. — Близость къ природѣ. — Прогулки и бесѣды въ лѣсу. — Встрѣча грозы. — Музыка и поэзія. — Игры мальчиковъ. — Товарищескія отношенія съ учителями.

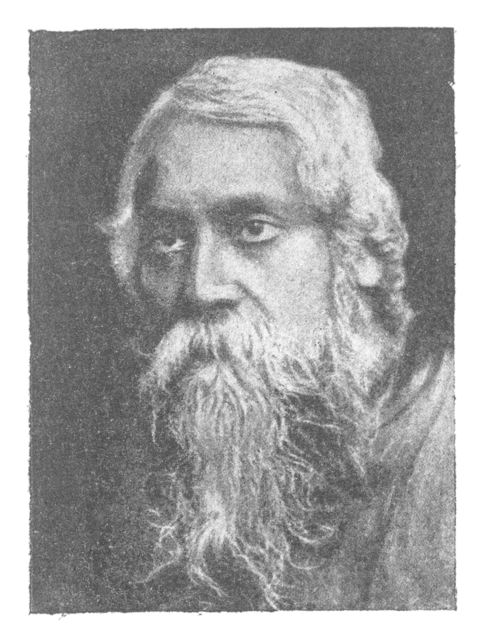
Когда видишь Рабиндраната Тагора въ его длинномъ восточномъ одѣяніи, съ его патріархальной бородой и сѣдыми волосами, увѣнчанными высокимъ чернымъ бархатнымъ головнымъ уборомъ, такъ и кажется, что онъ сошелъ съ картины, изображающей Трехъ Волхвовъ, идущихъ за Звѣздой. Глаза его сіяютъ какимъ-то особеннымъ лучезарнымъ свѣтомъ, какъ у человѣка, которому дано видѣть грезы наяву; улыбка озаряетъ все его лицо; а стихи его полны любви ко всѣмъ вещамъ міра, какъ высшимъ, такъ и низшимъ.

Имя его нынѣ хорошо извѣстно и въ Европѣ, потому что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Рабиндранатъ Тагоръ получилъ Нобелевскую премію. Въ Индіи же его имя извѣстно всѣмъ и каждому, потому что пѣсни его распѣваютъ и въ городскихъ трущобахъ и на караванныхъ дорогахъ. И къ этому нужно добавить, что среди живущихъ нынѣ людей нѣтъ, пожалуй, человѣка, который больше жаждалъ бы мира всего міра, и такъ искренно любилъ бы человѣчество, какъ этотъ индусскій поэтъ и философъ.

Когда онъ недавно посѣтилъ Америку, вотъ что писалъ о немъ одинъ американскій журналистъ.

«Въ его присутствіи чувствуешь себя наподобіе того, какъ когда читаешь одно изъ народныхъ сказаній Индіи, такъ непохожъ онъ на всѣхъ философовъ Европы и Америки, которыхъ мнѣ приходилось видѣть. Мы живемъ въ мірѣ суетни, спѣшки, лихорадочной торопливости. Онъ живетъ въ мірѣ, гдѣ никакіе небоскребы не заслоняютъ далекаго горизонта, и гдѣ глазъ можетъ слѣдить за приближающейся грозой за много часовъ до того, какъ она разразится. Мы вѣчно мѣняемъ старыя вещи на новыя. Онъ, сидя на крышѣ своего дома, молчаливый и задумчивый, находитъ, что не слѣдуетъ придавать такъ много значенія мимолетнымъ, преходящимъ вещамъ.

«Этотъ мудрецъ Востока, столь богатый грезами и видѣніями, говорилъ намъ про Индію и про народы, населяющіе ее. Большинство изъ насъ знаетъ только Индію Киплинга. *Маугли и Кимъ*—вотъ наши индійскіе герои. Но Тагоръ говоритъ о тѣхъ индусахъ, ко-

Рабиндранатъ Тагоръ, современный индусскій поэтъ и философъ.

торыхъ онъ видитъ въ повседневной жизни: о рабочихъ на поляхъ, о купцахъ, торгующихъ въ большихъ городахъ, о князьяхъ страны, путешествующихъ на слонахъ и о дѣтяхъ своей школы.

«Онъ умѣетъ находить путь къ сердцамъ взрослыхъ, но всего лучше онъ чувствуетъ себя съ дѣтьми. «Они ближе къ моему возрасту», говоритъ этотъ 55-лѣтній мудрецъ, книга котораго «Полумѣсяцъ» полна прекраснѣйшихъ поэмъ о дѣтствѣ.

«Это чуткое пониманіе дѣтей проглядываетъ во всемъ, что онъ дѣлаетъ. Во время пребыванія въ Нью-Йоркѣ онъ посѣтилъ одну школу и прочелъ дѣтямъ лекцію, и пока онъ говорилъ, сидя въ большомъ креслѣ, его рука ласкала головку самаго младшаго ребенка, а тотъ глядѣлъ на него глазами, полными довѣрія и изумленія».

Въ Болпурѣ въ Индіи, гдѣ Тагоръ устроилъ собственную школу для бенгальскихъ мальчиковъ, когда вечеромъ онъ читаетъ имъ какую-нибудь пѣсню, которую онъ сложилъ, или пьесу, которую написалъ, или просто разсказываетъ какую-нибудь волшебную исторію, малыши тоже забираются въ комнату, усаживаются возлѣ него и слушаютъ, хотя бы даже не понимали всего того, что онъ говоритъ.

Когда Тагоръ недавно посѣтилъ Японію, онъ сказалъ маленькую рѣчь передъ учениками одной школы. «Не бойтесь меня,—сказалъ онъ,—и не думайте, что я стану читать вамъ длинную лекцію или преподамъ вамъ добрый совѣтъ или нравственный урокъ. Я знаю, что у меня довольно страшный видъ съ моими сѣдыми волосами и сѣдой бородой, и по моему виду люди думаютъ, что я старикъ, котораго нужно усаживать на почетное мѣсто и которому нужно оказывать почтеніе, держась отъ него подальше. Но это большая ошибка. Если бы я могъ показать вамъ мою душу, вы увидѣли бы, что она совсѣмъ молодая—болѣе молодая, можетъ-быть, чѣмъ у многихъ изъ васъ. И вы бы увидѣли также, что я еще настолько ребенокъ душой, что вѣрю въ вещи, въ которыя стыдятся вѣрить взрослые нашихъ дней съ ихъ высшей мудростью— и даже многіе современные школьники. Я хочу сказать, что я вѣрю въ идеальную жизнь. Я вѣрю, что въ красотѣ маленькаго цвѣтка находится скрытая жизненная сила, которая могущественнѣе пушки Максима. Я вѣрю, что въ пѣніи пташки Природа проявляетъ себя съ силой большей, чѣмъ та, которая звучитъ въ оглушительномъ гулѣ канонады».

Дѣтство Рабиндраната Тагора было довольно одинокое. Его отецъ, великій человѣкъ, который имѣлъ многое что сказать народамъ Индіи, вынужденъ былъ постоянно разъѣзжать. Мать свою онъ потерялъ въ раннемъ возрастѣ; а братья и сестры, менѣе мудрые чѣмъ этотъ маленькій мальчикъ, жившій въ богатствѣ и роскоши, предоставляли его не самому себѣ, что было бы хорошо, такъ какъ онъ любилъ природу и обладалъ богатымъ воображеніемъ, а попеченію слугъ.

Подобно Теннисону, который уже въ раннемъ дѣтствѣ бѣгалъ по полямъ и выкрикивалъ риѳмованныя строчки, Рабиндранатъ Тагоръ началъ писать стихи чуть не съ шести лѣтъ. Когда его начали посылать въ школу, онъ часто убѣгалъ оттуда; родные думали сдѣлать изъ него юриста, пославъ его въ Англію въ Оксфордскій университетъ, но ему эти планы совсѣмъ не улыбались.

Такимъ образомъ отрочество и юность маленькаго Раби, какъ его звали братья, вѣроятно, были бы для него тяжелыми годами, если бы, по счастью, отецъ, извѣстный во всей странѣ подъ именемъ «Магарши», т.-е. Мудрый, не началъ брать его съ собой въ свои путешествія.

Одинъ разъ они поѣхали въ Болпуръ, гдѣ находился *Ашрамъ* (обитель)—домъ, гдѣ отецъ Тагора могъ въ тишинѣ и покоѣ обдумывать, что нужно для благополучія и будущаго счастья Индіи.

Тамъ мальчикъ могъ вволю бродить одинъ по полямъ, предаваясь своимъ мыслямъ и грезамъ и, тамъ, подъ жгучимъ полдневнымъ солнцемъ и подъ сіяніемъ полной луны—того солнца и той луны, лучи которыхъ струятся черезъ всѣ его пѣсни—въ немъ зародилась великая, глубокая любовь къ природѣ.

Вмѣстѣ съ отцомъ онъ впервые увидѣлъ Гималаи; вмѣстѣ съ отцомъ онъ полюбилъ Болпуръ. Не удивительно, что именно эту деревню онъ избралъ впослѣдствіи для своей школы.

Можетъ-быть, уже въ тѣ дни отрочества, когда память о собственныхъ школьныхъ пыткахъ была еще совсѣмъ свѣжа въ его памяти, онъ рѣшилъ, что когда станетъ «большимъ и умнымъ» (какими якобы становятся всѣ взрослые), онъ научитъ другихъ дѣтей любить все то, что любитъ онъ, и дѣлать то, что дѣлалъ онъ—за исключеніемъ того, чтобы манкировать уроками.

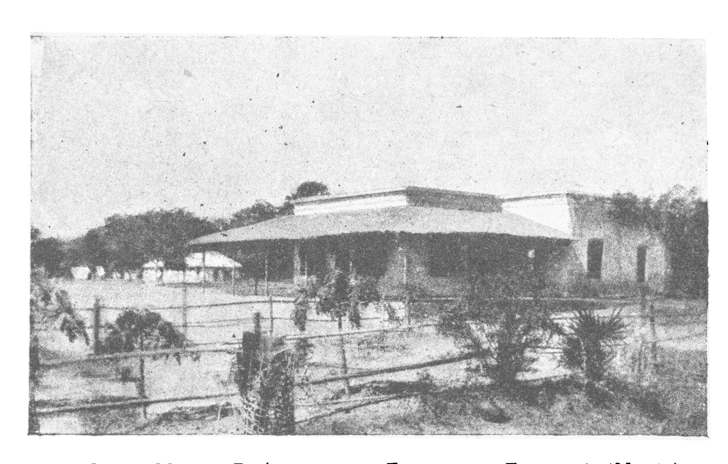
Такимъ образомъ Рабиндранатъ сталъ изъ мальчика зрѣлымъ мужемъ. Путешествуя съ своимъ отцомъ и управляя имѣніями отца, онъ началъ понимать также, въ чемъ Индія нуждается больше всего для своего блага.

Пробывъ годъ въ Оксфордѣ, онъ настолько овладѣлъ англійскимъ языкомъ, что могъ писать на немъ. И онъ началъ переводить на англійскій языкъ поэмы, пѣсни, разсказы и пьесы, которыя онъ раньше написалъ на родномъ бенгальскомъ языкѣ. Благодаря этому и Западъ могъ познакомиться съ радостями и горестями, мечтами, надеждами и грезами далекихъ индусовъ.

И Западъ, познакомившись съ книгами Рабиндраната Тагора, призналъ его однимъ изъ величайшихъ поэтовъ міра. «Кто онъ?—спрашивали всѣ.—Новый, внезапно объявившійся талантъ?» И всѣ удивились, узнавъ, что этотъ мудрецъ Востока уже много лѣтъ учитъ свой народъ любви, миру и надеждѣ, и что вообще родъ Тагора имѣетъ славную исторію трехсотлѣтней давности, насчитывая среди своихъ представителей и философовъ, и музыкантовъ, и художниковъ, и учителей народа.

Къ какой изъ этихъ категорій слѣдуетъ отнести Рабиндраната Тагора? Прежде всего—онъ поэтъ. Затѣмъ музы-

Урокъ подъ навѣсомъ школы Рабиндраната Тагора.

„Домъ Мира" Рабиндраната Тагора въ Болпурѣ (Индія).

кантъ. Въ болѣе ранніе годы онъ брался за болѣе мудрые законы для управленія индусскимъ народомъ. И онъ написалъ глубокія философскія книги, въ которыхъ разъясняетъ великія истины міра. Но его гордость и радость сосредоточены, повидимому, въ его школѣ въ Болпурѣ.

Болпуръ находится въ ста миляхъ отъ Калькутты, а самая школа—въ трехъ миляхъ отъ деревни. Здѣсь пятнадцать лѣтъ тому назадъ Тагоръ началъ съ двумя или тремя мальчиками свою работу по воспитаніи индусскаго юношества.

Съ тѣхъ поръ школа постепенно разрасталась, и въ настоящее время тамъ учится полтораста мальчиковъ (большей частью бенгалійцы), которые живутъ въ *Шантиникстанъ*, т.-е. Домѣ Мира.

Подъ мудрымъ руководствомъ прекрасныхъ учителей, которые являются больше добрыми товарищами, эти мальчики учатся здѣсь всему тому же, чему обучаютъ европейскихъ мальчиковъ. Но ихъ школьная жизнь совершенно не похожа на нашу.

На первый взглядъ намъ можетъ показаться, что вставать и начинать дневную работу въ половинѣ пятаго утра довольно скучно и тягостно. Вѣдь мы знаемъ, какъ трудно итти въ гимназію даже къ половинѣ девятаго утра. Но ученики болпурской школы начинаютъ свой день именно въ этотъ ранній часъ, начинаютъ съ пѣснями и смѣхомъ, любя свои занятія и охотно принимаясь за нихъ.

Занимаются они подъ открытымъ небомъ, сидя на цыновкахъ — а въ дождливое время года подъ навѣсомъ. Классная комната съ жесткими партами и душнымъ воздухомъ, наполненнымъ мѣловой пылью, имъ совершенно неизвѣстна.

Они нисколько не стѣснены въ своихъ движеніяхъ и не подчинены никакимъ строгимъ класснымъ правиламъ. Но это не значитъ, разумѣется, что каждый дѣлаетъ то, что ему нравится. Наоборотъ, чувство истинной дисциплины и чувство чести сильно развиты у нихъ. Они учатся для того, чтобы знать, и не станутъ ни подсказывать, ни подглядывать, ни вообще прибѣгать къ какимъ-нибудь уловкамъ.

Одинъ посѣтитель, прибывшій въ Болпуръ во время экзаменовъ, былъ пораженъ тѣмъ, какъ сознательно мальчики относятся къ своему ученію. Свои экзаменаціонныя задачи они рѣшали одни, сидя на землѣ подъ деревьями, другія высоко на деревьяхъ, гдѣ густая листва защищала ихъ отъ палящихъ лучей солнца, и гдѣ никто не слѣдилъ и не наблюдалъ, чтобы они не «сдули» задачу другъ у друга.

Таковъ духъ Дома Мира—духъ свободы и истинной дисциплины, основанной на высоко развитомъ чувствѣ чести.

Тагора мальчики зовутъ *Гуру*, то-есть «Учитель», и къ нему они приходятъ со всѣми своими планами и со всѣми своими печалями. Онъ ихъ другъ и товарищъ, и они всегда могутъ быть увѣрены, что онъ ихъ пойметъ.

Школа управляется *судомъ чести*, избираемымъ мальчиками изъ своей среды. За незначительные проступки мальчикъ предстаетъ такимъ образомъ передъ судомъ своихъ товарищей. Но если проступокъ очень серьезенъ, дѣло поступаетъ на рѣшеніе педагогическаго совѣта.

Одинъ разъ три мальчика провинились очень серьезно и имъ угрожало исключеніе изъ школы. Тогда они обратились за совѣтомъ къ *Гуру*. Тотъ согласился быть ихъ защитникомъ и ходатайствовать за нихъ передъ совѣтомъ, если они обѣщаютъ вести себя хорошо въ дальнѣйшемъ.

«Мнѣ не нужно знать, въ чемъ вы провинились,—сказалъ Тагоръ,—съ меня достаточно, если вы обѣщаете доказать своимъ поведеніемъ, что я не напрасно просилъ за васъ».

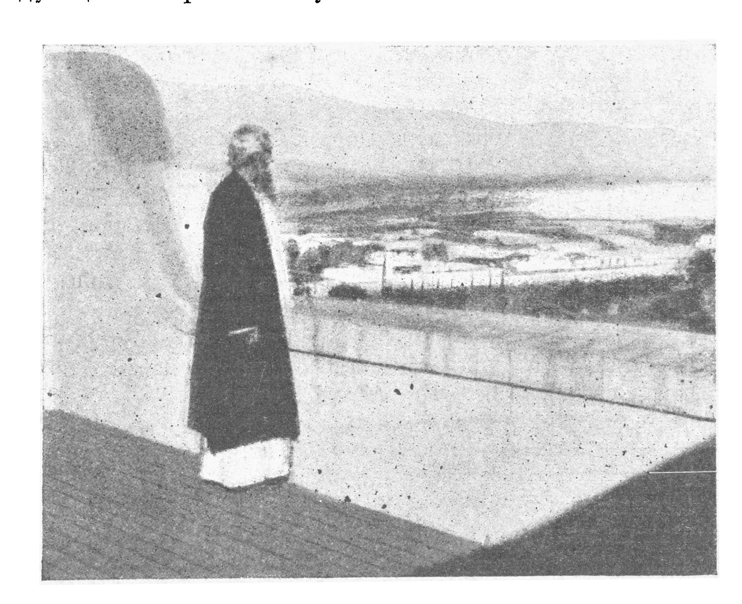
Просьбу Тагора уважили, мальчиковъ оставили въ школѣ, и съ этого дня съ ними произошла настолько рѣзкая перемѣна, что ко времени окончанія ученія они считались тремя изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ.

Въ Болпурѣ мальчики живутъ среди природы. Они учатся, сидя на травѣ подъ деревьями; они бродятъ по лѣсамъ, зорко замѣчая всякій новый цвѣтокъ, всякій новый лѣсной звукъ. Разсказываютъ, что когда однажды утромъ классъ англійскаго языка сидѣлъ вокругъ своего учителя, вдругъ послышался крикъ какой-то незнакомой птицы. Немедленно же весь классъ вскочилъ съ цыновокъ вмѣстѣ съ учителемъ и отправился искать новую птицу, продолжая по дорогѣ отвѣчать свои уроки.

Въ предвечерніе часы старшіе мальчики часто просятъ учителей совершать съ ними дальнюю прогулку, при чемъ бесѣда или урокъ происходитъ своимъ чередомъ. А вечеромъ, когда луна заливаетъ все кругомъ своимъ призрачнымъ сіяніемъ, и черняя прохлада смѣняетъ зной дня, эти мальчики зачастую забираются въ лѣсъ и, усѣвшись въ кружокъ, до поздней ночи разсказываютъ другъ другу исторіи. Иногда разсказчикомъ бываетъ самъ Тагоръ или онъ начинаетъ исторію, а затѣмъ предлагаетъ другимъ мальчикамъ продолжать, пока общими усиліями не будетъ созданъ длинный разсказъ. Эти вечерніе часы еще болѣе укрѣпляютъ духъ товарищества.

Въ Домѣ Мира существуетъ много красивыхъ обычаевъ. Тамъ мальчики встрѣчаютъ день и провожаютъ его пѣснопѣніями. Для каждаго времени года у нихъ есть особыя стихотворенія, которыя они декламируютъ.

Вообще поэзія постоянно вплетается въ ихъ повседневную жизнь, какъ это показываетъ, напримѣръ, слѣдующій интересный случай.

Рабиндранатъ Тагоръ въ С.-Барбарѣ (Калифорнія).

Въ Индіи люди спасаются отъ жары на крышахъ. На своей крышѣ Рабиндранатъ Тагоръ часто проводитъ цѣлые часы въ размышленіяхъ, прислушиваясь время отъ времени къ веселымъ крикамъ и смѣху мальчиковъ внизу. Однажды онъ находился на крышѣ съ нѣсколькими учителями, когда они замѣтили на горизонтѣ приближающуюся грозу. Въ Индіи, надо замѣтить, гроза живетъ въ крови жителей наподобіе того, какъ у насъ Рождество или другіе праздники живутъ въ нашихъ сердцахъ. Тагора приближеніе грозы привело въ большое возбужденіе, и черезъ нѣсколько минутъ учителя увидѣли, что его больше нѣтъ на крышѣ. Онъ исчезъ, и только нѣсколько часовъ спустя они увидѣли его опять.

Въ это время гроза разразилась надъ школой со всей своей яростью, но среди ливня они услышали вдали звуки приближающагося пѣнія, и немного погодя увидѣли Тагора съ двѣнадцатью мальчиками, которые шли радостные, веселые и промокшіе до нитки, конечно. Они ходили «встрѣчать грозу», распѣвая въ ея честь индійскія привѣтственныя пѣсни.

Такимъ-то образомъ Тагоръ внѣдряетъ въ сердца мальчиковъ любовь къ природѣ и ко всѣмъ ея чудеснымъ явленіямъ.

Эта любовь замѣчается не только у старшихъ мальчиковъ, но даже у маленькихъ. Есть въ Индіи цвѣтокъ, называемый *чампа*, который отличается тѣмъ, что старательно прячется среди густой листвы. Вокругъ Дома Мира посажено много деревьевъ *чампа*, и у малышей существуетъ своего рода спортъ, кто изъ нихъ найдетъ больше цвѣтковъ *чампы* до начала утреннихъ классовъ. «Какъ часто я пробуждался въ три часа утра отъ щебета дѣтскихъ голосовъ въ деревьяхъ чампа подъ моимъ окномъ», — разсказывалъ одинъ учитель: — «Это мальчики искали спрятавшіеся цвѣты».

Эти бенгальскіе мальчики умѣютъ превращать всякую мелочь въ веселую игру. Каждый день они изобрѣтаютъ невидимыхъ героевъ въ природѣ. Безъ всякаго предупрежденія они вдругъ скажутъ: «Теперь у насъ будетъ циркъ», и черезъ десять минутъ лужайка превращена въ настоящій бродячій циркъ. Но и прекращать забаву они умѣютъ такъ же быстро, какъ начинаютъ ее. Однако это не значитъ, что они дѣлаютъ вещи наполовину. Вернувшись, положимъ, съ ярмарки въ Калькуттѣ, они рѣшаютъ вдругъ, что сами устроятъ ярмарку, и вмигъ соорудятъ на площадкѣ самые настоящіе лари и палатки въ миніатюрѣ, и пойдутъ въ кухню и наготовятъ всякой всячины для продажи.

Въ ихъ играхъ проявляется настоящая дѣтская веселость, соединенная съ живымъ воображеніемъ и отличной памятью видѣннаго. Ихъ часто возятъ въ Калькуттѣ по маленькой желѣзной дорогѣ, которая движется со скоростью всего восемнадцати верстъ въ часъ, и если во время пребыванія въ городѣ они видѣли театральное представленіе, они по возвращеніи въ школу воспроизводятъ его почти слово въ слово, къ великому удовольствію учителей и товарищей.

Умѣютъ они гонять кубарь, играть въ футболъ и играютъ они совершенно съ такимъ же увлеченіемъ, какъ всѣ здоровые мальчики на всемъ земномъ шарѣ. Но они знаютъ, когда имъ нужно быть тихими, когда нельзя мѣшать Гуру, который пишетъ. Они понимаютъ, что если Гуру пишетъ, то послѣ онъ навѣрное придетъ къ нимъ и прочтетъ новое написанное стихотвореніе.

Тагоръ не принуждаетъ ихъ дѣлать то, чего имъ не хочется. Онъ старается всегда выяснить, чего имъ хочется самимъ, и если есть возможность удовлетворить ихъ желаніе, онъ это дѣлаетъ.

Когда школа начала функціонировать, тамъ не было регулярныхъ уроковъ музыки Тагоръ не могъ безъ ужаса представить себѣ картину, какъ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ сажаютъ на стулья и заставляютъ играть упражненія, въ то время какъ вся ихъ душа рвется вонъ изъ комнаты, чтобы прыгать и рѣзвиться на волѣ. Поэтому онъ рѣшилъ, что никакихъ уроковъ музыки не будетъ, пока сами мальчики не изъявятъ желанія учиться музыкѣ.

Постепенно у мальчиковъ вошло въ привычку приходить въ комнату во время утреннихъ и вечернихъ пѣснопѣній и присоединять свой голосъ къ пѣнію. Мало-по-малу Тагоръ увидѣлъ, что они нуждаются въ музыкѣ и жаждутъ музыки—и только тогда онъ пригласилъ учителя музыки. Въ настоящее время эту обязанность исполняетъ его племянникъ подъ руководствомъ самого Тагора.

Такимъ же путемъ онъ старается пробудить въ дѣтяхъ интересъ къ ручному труду. Онъ хочетъ завести въ Домѣ Мира столярную мастерскую, гдѣ дѣти видѣли бы, какъ съ помощью рукъ и инструментовъ можно дѣлать полезныя вещи.

Въ школѣ Тагора дѣти учатся тому же, что и въ европейскихъ школахъ, т.-е. чтенію, письму, ариѳметикѣ, географіи, исторіи и т. д., а также англійскому, бенгальскому и санскритскому языку. У нихъ есть библіотека какъ англійскихъ такъ и индійскихъ книгъ, и подъ руководствомъ Тагора они знакомятся съ легендами «Рамайяны»—великой классической народной поэмой Востока. Изъ европейскихъ книгъ среди старшихъ мальчиковъ въ большомъ спросѣ «Несчастные» В. Гюго. Но даже мальчики не ищутъ въ книгѣ одной фабулы. Тагоръ никогда не говоритъ съ дѣтьми по-ребячески. Они живутъ въ атмосферѣ возвышеннаго мышленія, и это вызываетъ въ нихъ возвышенныя мысли.

Ихъ не балуютъ и не изнѣживаютъ. Ихъ тѣла закаляются свободнымъ соприкосновеніемъ съ землей, по которой они ходятъ босикомъ. Они устраиваютъ часто испытанія силы и выносливости, какъ это бываетъ всегда, когда нѣсколько мальчиковъ соберется вмѣстѣ. Напримѣръ, прошлымъ лѣтомъ учитель засталъ одного мальчика на крышѣ съ обнаженной спиной, подставленной подъ палящіе лучи солнца. На вопросъ учителя онъ отвѣтилъ, что это у нихъ пари съ товарищемъ, который увѣряетъ, что онъ не сможетъ выдержать. Какъ видно изъ того, болпурскіе мальчики такіе же, какъ всѣ другіе мальчики на свѣтѣ.

Но двѣ черты бросаются у нихъ въ глаза: одна—это готовность къ самопожертвованію; а другая—полное отвѣтное довѣріе тамъ, гдѣ имъ довѣряютъ. Говорятъ, что даже самые младшіе изъ этихъ мальчиковъ у постели больного проявляютъ такую нѣжность и чуткость, какая у насъ обыкновенно связывается только съ представленіемъ о взрослыхъ. Когда товарищъ захвораетъ, они поочередно всю ночь дежурятъ у его постели. Изъ старшихъ мальчиковъ многіе, вмѣсто того, чтобы гулять вечеромъ при лунѣ, отправляются въ сосѣднюю деревню и преподаютъ въ вечернихъ классахъ, дѣлясь съ народомъ знаніями, которыхъ народъ иначе не можетъ получить.

Между учениками и учителями отношенія истинно-дружескія, истинно-товарищескія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ былъ преподавателемъ молодой студентъ Калькуттскаго университета, который готовился на степень бакалавра литературы. «Ему было всего девятнадцать лѣтъ,—пишетъ Тагоръ,—но у него была дивная душа, отзывчивая ко всему, что есть прекраснаго и великаго въ мірѣ природы и человѣческаго духа. Съ нимъ мальчики никогда не чувствовали, что они заключены въ рамки «урока». Весною, когда деревья стояли въ полномъ цвѣту, они бродили съ нимъ по лѣсу, и онъ читалъ имъ своихъ любимыхъ поэтовъ. Онъ читалъ имъ Шекспира и даже Браунинга, объясняя имъ прочитанное по-бенгальски съ присущей ему удивительной яркостью и выразительностью. Онъ зналъ, что вовсе не требуется непремѣнно, чтобы мальчики понимали все точно и буквально, а что нужно только пробудить откликъ въ ихъ душахъ. И это ему всегда удавалось».

Такъ работаютъ съ дѣтьми учителя въ Шантиникетанѣ.

Посѣтитель увидитъ тамъ много такого, что совсѣмъ не похоже на нашу европейскую жизнь; но атмосфера мира, покоя, красоты и счастья, господствующая въ этомъ уголкѣ Бенгаліи, не можетъ не произвести впечатлѣнія. А покидая Домъ Мира вы станете центромъ церемоніи, которая слѣдующимъ образомъ описана Пирсономъ, нынѣ состоящимъ въ числѣ учителей болпурской школы.

«Въ то утро, когда я долженъ былъ покинуть Шантиникстанъ,—пишетъ Пирсонъ,—была устроена церемонія прощанія, согласно древне-индусскому обычаю, когда гость покидаетъ *Аширамъ*, чтобы вернуться въ міръ. На меня надѣли гирлянду изъ цвѣтовъ, мнѣ поднесли горсть лепестковъ розъ вмѣстѣ съ нѣсколькими зернами *падди* и пучкомъ травы (символы достатка и благополучія въ жизни), и въ то же время одинъ изъ учителей произнесъ надо мной благословеніе изъ санскритской «Сакунталы».

«Да будетъ пріятенъ твой путь, да встрѣтятся тебѣ на немъ прохладныя озера, зеленыя отъ листьевъ лотоса, и тѣнистыя деревья, умѣряющія зной солнца; да будетъ пыль дороги нѣжна, какъ пыльца цвѣтовъ, разносимая тихимъ и ласковымъ вѣтеркомъ; да будетъ счастливъ твой путь».

Чтобы доѣхать до Болпура нужно путешествовать много недѣль. Это далекая страна, съ своеобразными обычаями, совсѣмъ не похожими на наши. И тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что если бы европейскій мальчикъ посѣтилъ Шантиникстанъ, онъ скоро научился бы понимать этихъ бенгальскихъ мальчиковъ. Конечно, ему трудно было бы съ непривычки быстро бѣгать босикомъ, и на деревья онъ не умѣлъ бы лазать такъ ловко и проворно, какъ бенгальскій мальчикъ; но дѣти—вездѣ дѣти, и очень скоро онъ почувствовалъ бы себя тамъ, какъ дома. Самъ *Гуру* въ длинномъ восточномъ одѣяніи тоже можетъ сначала показаться ему страннымъ, но онъ скоро подпалъ бы подъ его очарованіе, какъ вся Европа съ восторгомъ читаетъ то, что написалъ этотъ философъ и поэтъ Востока. Что за бѣда, что стихи «Полумѣсяцъ» были сначала написаны по-бенгальски; дѣтство, съ его любовью къ чудесному и съ его живымъ воображеніемъ, одно и то же на всемъ земномъ шарѣ.

ЧТО ТАКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ?

Дружными усиліями русскаго народа и Государственной Думы свергнута старая царская власть. Временное Правительство управляетъ теперь страной. Власть по деревнямъ, селамъ и городамъ передало оно самому народу. Но необходимо, чтобы всѣ дѣла, касающіяся всей страны, рѣшались всѣмъ народомъ. Народу предстоитъ рѣшить, какъ на новыхъ началахъ измѣнить и устроить самыя основанія государственнаго строя.

Въ этихъ цѣляхъ Временное Правительство рѣшило созвать Всенародное Учредительное Собраніе. Каждое государство управляется на основаніи извѣстныхъ законовъ, опредѣляющихъ, какимъ лицамъ и учрежденіямъ принадлежитъ верховная власть, какъ осуществляютъ эти лица и учрежденія свою власть, какъ они относятся другъ къ другу, и какія права принадлежатъ каждому отдѣльному человѣку.

Совокупность законовъ, опредѣляющихъ все вышесказанное, называется государственнымъ строемъ. При старомъ, свергнутомъ строѣ вся верховная власть принадлежала царю: онъ назначалъ министровъ и властей, онъ объявлялъ войну и заключалъ миръ, онъ утверждалъ законы. Насколько хорошо онъ это дѣлалъ, вы видите сами—государство доведено до разоренія, до голода.

Теперь вся власть перешла къ народу, но насъ 180 милліоновъ, мы не можемъ собраться всѣ вмѣстѣ и по взаимному соглашенію установить новый порядокъ и новые законы.

Во всѣхъ свободныхъ странахъ, когда измѣнялся строй государства, народъ черезъ своихъ выборныхъ, собранныхъ въ одно мѣсто въ столицу государства, рѣшалъ и утверждалъ новые законы.

Поэтому и намъ, чтобы самимъ устроить новый порядокъ въ государствѣ, нужно будетъ избрать представителей отъ волостей и городовъ. Избранные народные представители соберутся въ Петроградѣ и составятъ Всенародное Россійское Учредительное Собраніе.

Въ Учредительномъ Собраніи народные прдставители, по взаимному соглашенію, и большинствомъ голосовъ, установятъ новый образъ правленія, государственные законы и основы государственнаго устройства.

Отъ Учредительнаго Собранія зависитъ все, и, чтобы оно было дѣйствительнымъ выраженіемъ народной воли и народныхъ желаній, необходимо, чтобы въ выборахъ принялъ участіе весь народъ, на равныхъ правахъ, и свободно избралъ истинныхъ своихъ представителей и защитниковъ своихъ интересовъ.

Въ созванномъ въ Петроградѣ Россійскомъ Учредительномъ Собраніи въ выборахъ будутъ участвовать всѣ жители Государства Россійскаго, достигшіе, примѣрно, двадцатилѣтняго возраста, т.-е. избирательное право будетъ *всеобщимъ*.

Всякій гражданинъ, независимо отъ званія и состоянія, можетъ и долженъ подать только одинъ голосъ, т.-е избирательное право будетъ *равнымъ* для всѣхъ.

Избраніе будетъ *прямымъ*, т.-е. голосовать народъ будетъ за того, кого онъ посылаетъ въ Учредительное Собраніе, а не за выборщика, который можетъ впослѣдствіи выбрать не того, кого хочетъ избиратель.

Каждый избиратель будетъ подавать свой голосъ за того или другого избираемаго *закрыто или тайно* отъ другихъ, чтобы не могло быть угрозъ и принужденій, а только по долгу совѣсти поданъ былъ голосъ.

Но для того, чтобы избранныя въ Учредительное Собраніе лица были истинными выразителями воли народа, нужно строго разобраться, кого выбирать и за кого подавать свой голосъ. Насъ 180 милліоновъ, но у многихъ интересы различны. Не можетъ выбирать рабочій фабриканта, крестьянинъ—помѣщика. Передъ выборами нужно устраивать собранія, гдѣ всѣ кандидаты должны высказывать, что они будутъ отстаивать въ Учредительномъ Собраніи, какой порядокъ и какое устройство Государства Россійскаго они считаютъ необходимымъ защищать, какія нужды народа будутъ удовлетворять.

И только послѣ такой повѣрки можно подавать свой голосъ за то или другое лицо.

А чтобы не было разногласія, людямъ съ одинаковыми интересами по городамъ и селамъ нужно сговариваться и столковываться, чтобы дѣйствовать согласно и единодушно во время выборовъ.

Чтобы разобраться въ людяхъ и кандидатахъ въ депутаты Учредительнаго Собранія нужно время, а время не ждетъ. Торопитесь, граждане, устраивайте собранія, выясняйте свои интересы, объединяйтесь въ союзы. Въ

единеніи сила. Помните что отъ выборныхъ представителей въ Учредительное Собраніе зависитъ весь строй новаго Государства. Россійское Учредительное Собраніе должно быть голосомъ народа, оно должно высказать волю народа.

Въ народныхъ рукахъ — народная воля: съ сознаніемъ всей отвѣтственности за судьбу свою долженъ будетъ народъ приступить къ выборамъ во *Всероссійское Учредительное Собраніе*, когда выборы будутъ назначены.

РАСКОЛЪ МУСУЛЬМАНСКАГО МІРА.

Въ іюнѣ 1916 года великій шерифъ Мекки Гуссейнъ издалъ прокламацію, въ которой объявилъ весь Геджасъ независимымъ отъ Турціи государствомъ, а себя его королемъ Гуссейномъ I.

На этотъ рѣшительный шагъ толкнуло престарѣлаго шерифа хозяйничанье атеистовъ-младотурокъ; великій шерифъ счелъ себя вынужденнымъ охранить мусульманскую святыню отъ ихъ нечестивыхъ выступленій, защитить арабовъ Геджаса отъ турецкихъ притѣсненій и попытаться оказать помощь арабамъ Сиріи и другихъ частей Отоманской имперіи, страдающихъ подъ турецкимъ игомъ.

Вотъ что говорится въ этомъ знаменитомъ воззваніи, которое начинается слѣдующими словами:

«Во имя Бога милосерднаго, сострадательнаго.

«Наше общее посланіе всѣмъ нашимъ братьямъ мусульманамъ.

«О, Господи, суди между нами и нашимъ народомъ со справедливостью, ибо ты—лучшій судья».

Въ своемъ воззваніе великій шерифъ упрекаетъ общество «Единеніе и Прогрессъ» въ томъ, что оно, завладѣвъ властью, ослабило имперію, которая была втянута въ ужасы войны и доведена до своего современнаго гибельнаго положенія, очевиднаго для всѣхъ. Это заставило всѣ мусульманскія сердца страдать за мусульманскую имперію, за гибель ея населенія убитаго или изгнаннаго.

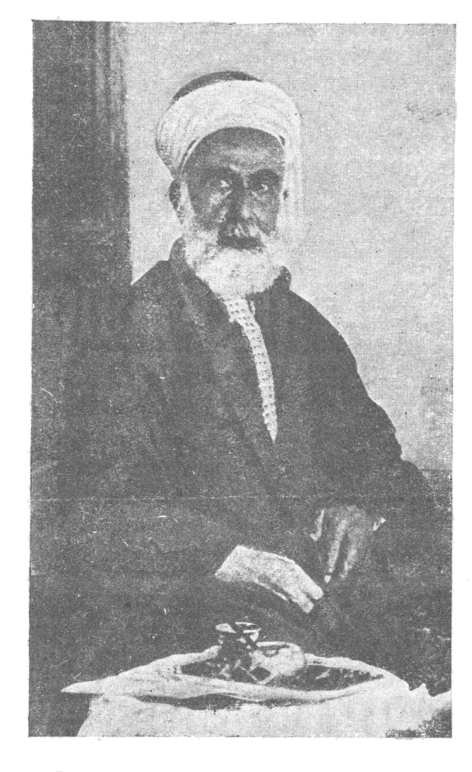
«Но всего этого партіи «Единеніе и Прогрессъ» было мало. Она принялась за разрушеніе связи между Отоманской имперіей и остальнымъ мусульманскимъ міромъ. Она отмѣнила законъ пророка (да будетъ надъ нимъ міръ Господень); она обезславила самую жизнь пророка (да проститъ насъ Господь); она отмѣнила одинъ изъ пяти существеннѣйшихъ законовъ Ислама—постъ Рамаданъ, приказавъ войскамъ Медины, Мекки, Дамаска, а также войскамъ, сражающимся на русской границѣ, нарушить этотъ постъ. Она ввела и другія новшества, противныя духу Ислама, лишила власти султана и нарушила основные законы халифата.

«Мы признали всѣ эти нововведенія,—говоритъ шерифъ,—чтобы избѣжать раскола. Наконецъ, имперія оказалась во власти Энвера паши, Джемаля паши, Талаатъ бея, которые распоряжались ею по своему произволу. Они погубили много выдающихся людей, поступивъ какъ жестокіе звѣри. Они издѣвались надъ своими жертвами, изгоняя изъ домовъ семьи казненныхъ на произволъ судьбы.

«Этотъ краткій обзоръ ихъ дѣяній и мы представляемъ всему міру и въ особенности мусульманамъ судить ихъ.

«Когда арабы возстали, то они привезли въ Мекку свою артиллерію, и снаряды падали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ великой святыни мусульманской— Чернаго Камня. Покрывало камня сгорѣло. Люди, скрывавшіеся въ стѣнахъ святыни, спасаясь отъ пламени, вылѣзали на крышу, но и тамъ ихъ не щадили пули усмирителей, стрѣлявшихъ по святынѣ.

«Но мы не позволимъ,—заключаетъ шерифъ,—играть нашею святыней. Мы объявляемъ себя независимыми. Нашей задачей является защита Ислама, соблюденіе Святого Закона, выработать законы справедливости въ согласіи съ правилами вѣры, исполнять ея обряды,

Великій шерифъ Мекки—Гуссейнъ.

соблюдая современныя условія и не щадить никакихъ усилій для просвѣщенія народа. Мы полагаемся на Всемогущаго Бога, который есть нашъ лучшій Защитникъ».

Воззваніе подписано «Шерифомъ и Эмиромъ Мекки Эль-Гуссейномъ-Ибнъ-Али» и помѣчено 25 ша-банъ 1334 г., что соотвѣтствуетъ нашему 27 іюня 1916 года.

Е. Т.

ТРИ ГЕРОЯ.

Грузовой пароходъ «Вижилентъ» шелъ изъ Америки въ Англію съ грузомъ хлѣба. Экипажъ его состоялъ изъ шестнадцати матросовъ и капитана. Онъ имѣлъ 200 тоннъ водоизмѣщенія и двигатель въ 1500 лошадиныхъ силъ.

Въ Атлантическомъ океанѣ «Вижилентъ» встрѣтилъ одну изъ жесточайшихъ бурь, какія извѣстны въ исторіи мореплаванія. Опасаясь, что судно перевернется, капитанъ сталъ разсылать по безпроволочному телеграфу сигналы бѣдствія. S. O. S. Сигналы эти были приняты на суднѣ «Рюнлендъ», и оно пришло на помощь «Вижиленту», изъявивъ согласіе принять весь экипажъ къ себѣ на бортъ.

Когда отъ «Рюнленда» отошли лодки, капитанъ «Вижилента» американецъ-шотландецъ Фергюссонъ обратился къ своей командѣ съ рѣчью. Выяснивъ людямъ, какъ сильно нуждалось въ хлѣбѣ англійское правительство, онъ предложилъ желающимъ добровольно остаться вмѣстѣ съ нимъ на суднѣ и попытаться спасти его.

— Покажите, ребята, что мы съ вами не боимся моря! Кто хочетъ остаться со мной?

Большинство матросовъ только засмѣялось въ отвѣтъ на слова капитана, считая его безумцемъ; только кочегаръ Смисъ пробормоталъ, что онъ, «кажется, останется», да машинистъ Вельчъ, весь лоснившійся отъ масла заявилъ, что онъ остается.

Остальная часть команды перешла въ подошедшихъ лодкахъ на большой пароходъ, а три смѣльчака остались на суднѣ, которое везло «хлѣбъ для дѣтей», бросивъ смѣлый вызовъ бурѣ.

Это было отчаянно-смѣлое плаваніе. У руля день и ночь стоялъ капитанъ Фергюссонъ, жевавшій табакъ за неимѣніемъ досуга, чтобы поѣсть, и изо всѣхъ силъ боровшійся съ бурей.

Внизу, у котловъ работалъ весь черный отъ сажи Смисъ, извивавшійся какъ угорь и исполнявшій всю работу одинъ за десятерыхъ. При этомъ ему приходилось совершать злѣйшее преступленіе съ точки зрѣнія пароходнаго кочегара—за неимѣніемъ прѣсной воды онъ наполнялъ котлы прямо изъ моря.

Въ машинномъ отдѣленіи суетился весь сіявшій отъ масла Томъ Вельчъ, смазывавшій свои машины съ такимъ рвеніемъ, какъ будто на свѣтѣ не существовало ничего, кромѣ нихъ.

А буря все усиливалась, пока эти три отчаянныхъ человѣка боролись съ ней, смѣло глядя ей прямо въ глаза.

Разъяренный громадный океанъ, а среди него, какъ точка, маленькое суденышко, направляемое руками трехъ людей, не видѣвшихъ другъ друга и не имѣвшихъ даже возможности переговариваться.

Когда особенно волна налетѣла на «Вижилентъ» и своротила на сторону штурвалъ, они попытались было сойтись вмѣстѣ, но это имъ не удалось. Слѣдующая волна опрокинула все на палубѣ, погасила огни и перевернула бы судно, если бы съ другой стороны не хлынула встрѣчная такая же сильная волна, которая помогла «Вижиленту» снова стать на киль.

Это было то самое чудо, которое приходитъ на помощь мужеству, но, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко.

На суднѣ не было никакой готовой пищи и питья, но нашимъ тремъ героямъ все-таки удалось добраться до Кардифа, гдѣ ихъ ждала вмѣстѣ съ славой и заслуженная награда: самоотверженный капитанъ Фергюссонъ получилъ 25,000 рублей, а его мужественные помощники по 12,500 рублей каждый за то, что, рискуя собственной жизнью, спасли «хлѣбъ для дѣтей».

Е. Т.

Редакторъ Вл. А. Поповъ.